

ПЛЕННИЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ELLE VINA

18+

Elle Vina

Пленница

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64984981
SelfPub; 2021*

Аннотация

Я была одержима поисками брата. Еще я горела желанием отомстить. Поэтому я пустилась в опасный путь и вскоре попала в плен к врагам. Но меня не убили, это было бы слишком просто. Меня сделали игрушкой одного из них. Он был властным и непреклонным, не терпящим отказы и неповиновения. Это была самая изощренная и мучительно-сладкая пытка, которая заставила усомниться в собственной правоте и позабыть все свои планы. На чьей я теперь стороне и что должна делать? Содержит нецензурную брань.

Elle Vina

Пленница

Пролог

Я осторожно открываю дверь и только сейчас замечаю, как дрожат мои руки. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я боюсь того, что могу там увидеть.

Он лежит на полу. Его глаза закрыты, лицо покрыто испариной, на висках запекшаяся кровь, губы разбиты, под левым глазом красуется большая ссадина.

Я подхожу ближе и сажусь на корточки. От волнения я спотыкаюсь о собственные ноги, и вызванный этим шорох не остается незамеченным. Он приоткрыл глаза и уставился на мои ноги. Весь в крови, на нем не было ни одного живого места. Он, наверно, был в бреду и не совсем понимал, что происходит. Я подхожу еще ближе и сажусь на пол почти вплотную к нему. Меня тут же окутал до боли знакомый запах. *Его запах*. Я закрываю глаза и мысленно отправляюсь в нашу комнату. Кусочек пространства, отрезанный от всего остального мира, где я позволяла себе слишком многое. Все это было неправильно, грязно и отвратительно.

“Кого ты обманываешь?”

Вспоминаю, как дрожали его веки под моими пальцами, как его губы растягивались в улыбке, когда я очерчивала их линии.

“Хватит! Ты здесь не за этим”.

Ещё несколько минут сижу в раздумьях. Правильно ли я поступаю? Я мучилась в сомнениях. Разве это не то, чего я на самом деле хотела все это время? Все так запуталось. Я уже не знала, чего хочу.

“Нет, ты знаешь”.

А что я *должна* сделать? Это уже другой вопрос. Честь, долг, достоинство – все давно утрачено. Я уже не та беззаботная девочка, которой была несколько месяцев назад. Все рухнуло, сломалось, разбилось на мелкие кусочки. А надежда, чертова последняя надежда вот-вот погаснет.

Так правильно ли я поступаю? Можно ли оправдывать предательство и даже убийство благими намерениями? Есть ли вообще благие намерения у того, кто на такое способен?

Хватит думать, меня могут здесь увидеть.

Я достаю складной нож из кармана, но продолжаю смотреть на человека перед собой. Он поднимает взгляд и смотрит на меня. Затем на нож в моих руках, затем снова на меня. Его глаза цвета неба в ясный солнечный день смотрят мне прямо в душу. Он был прав: в какой бы ситуации мы не находились, он всегда будет иметь власть надо мной. Даже сейчас.

Он точно не в бреду. Его взгляд осознанный, глаза полны печали и... сожаления? Он смотрит на меня пару секунд и опускает глаза. Что это: смирение или безразличие? Впрочем, неважно.

Я раскладываю нож и, уставившись на лезвие, в последний раз обдумываю свое решение.

Глава 1

Месяц назад

– Имя? – женщина лет тридцати пяти с короткими белокурыми волосами смерила меня суровым взглядом. Я сильнее прижала колени к голой груди, желая хоть как-то прикрыться.

– Проблемы со слухом?

– София, – тихо прошептала я.

– Сколько лет?

– Восемнадцать.

– Ты? – она обратилась к Эми. Та бросила не меня короткий взгляд, прежде чем ответить.

– Эмилия, двадцать лет.

– Ну что ж, девочки, считайте, что вам повезло, – ухмылка на лице женщины говорила об обратном. – Одевайтесь, – она бросила нам какие-то тряпки.

– А нормальной одежды нет? – Эми выжимала воду со своих густых черных волос. Казалось, будто сложившаяся ситуация никак не выбивала ее из зоны комфорта.

– Хочешь пойти голой? – женщина отошла на пару метров, продолжая смотреть на нас.

Я встаю и начинаю одеваться. Тело дрожит после холодного душа. И не только из-за этого.

Бесформенные штаны с футболкой и тапочки темно-се-

рого цвета были, как минимум, на два размера больше, чем мне надо. О нижнем белье не стоило и спрашивать.

– Выходим, – женщина открыла дверь душа (если это место можно так назвать), пропуская нас вперед.

– А имя у тебя есть? Или к тебе обращаться "бесчувственная сука"? – Эми завязала узелком полы футболки, оголяя полоску живота. Хоть одежда и была не по размеру, но она все равно не скрывала ее большую грудь с выпирающими сосками.

Женщина резко развернулась к ней и отвесила сильную пощечину. Подруга закричала и схватилась за левую щеку, которая стремительно краснела.

– Будешь себя так вести, долго не протянешь. Мария. Меня зовут Мария. Идите, – она кивнула в сторону двери.

– Удивлена, что мы вообще еще живы, – прошептала мне Эмилия. – Тех, кто оказывает сопротивление, убивают на месте.

– Но не юных прекрасных девиц. Они бывают полезными, – Мария мерзко улыбнулась.

Мы с Эми переглянулись. Это еще что значит?

Мы подошли ко входной двери, возле которой стояли двое мужчин. Это они привезли нас сюда.

– Руки назад, – приказал один из них.

Я послушалась. Куда деваться? Не смогла убежать от них там, а здесь об этом не стоило даже думать. Пока что.

Холодный металл прикоснулся к запястьям. Наручники.

Снова.

– Будешь дергаться, выстрелю в ногу, – мужчина тоже с нами не церемонился. Конечно, я ведь сломала ему нос, когда пыталась вырваться.

На голову надели мешок из плотной ткани. Какого черта? Меня потянули за локоть и посадили в машину. Эми села рядом. Было слышно, как она ругается себе под нос.

Мы ехали около двадцати минут. Нас повели в здание, долго вели по длинным коридорам. Или они казались длинными, потому что я шла, спотыкаясь на каждом шагу? Мы поднялись куда наверх и, наконец, остановились. Мешок с головы стянули одним резким движением. В помещение было темно. В узком коридоре не было окон. Я увидела лишь две открытые двери, расположенные довольно близко друг к другу.

– Ваши комнаты. Обустраивайтесь, – Мария вновь улыбнулась своей ехидной улыбкой.

Я вошла в маленькую комнатку. В углу стояла небольшая кровать. Рядом с ним стол. В другом углу (боже мой!) были раковина и унитаз. На потолке было окно. Да это же тюрьма! В двери не хватало маленького окошечка, чтобы подавать еду.

“Думаешь, здесь кормят?”

– Лицом к стене. Запоминай: пока не услышишь, как закрывается дверь, ты не шевелишься. Поняла?

Я кивнула.

– Поняла?

– Да.

Какая дрянь! Руки так и чешутся.

“Успокойся, надо все обдумать. Второго шанса не будет”.

– Поешь и ложись спать. Завтра приведешь себя в порядок.

– Зачем?

– Без лишних вопросов. Я говорю, ты делаешь.

– А если не сделаю?

– Куда ты денешься?

Кто-то вошел в комнату и оставил на столе поднос с едой.

Живот тут же заурчал. Я не ела с самого утра.

Мария сняла с меня наручники и вышла из комнаты.

Щелкнул замок.

Я взяла поднос со стола, села на кровать, укрылась одеялом и принялась за еду. А они ничего не пожалели. Пленных кормят теплым супом с хлебом, еще и горячий чай. Неужели дела здесь и вправду лучше, чем за стеной? Я усмехнулась. Эти идиоты выстроили трехметровую стену с колючей проволокой сверху вокруг своего поселения, будто кто-то по своей воле решится сюда прийти.

“А как же ты?”

Нет, я не собиралась лезь в это осиное гнездо. Все пошло не по плану.

Я доела, легла на кровать и уставилась в окно. Солнце уже село. Небо было тёмно-синим. Нужно поспать. Я закры-

ла глаза, рука потянулась к шее. Вот дерьмо. Крестик сняли вместе со всеми вещами. Я так часто теребила его пальцами, что запомнила каждую царапину и изъязны на нем. Маленький крестик на черной тонкой веревочке – это все, что осталось от родителей. А теперь нет и его. На глаза навернулись слезы. Боль окутала сердце, стало тяжело дышать, к горлу подступила тошнота. Пустота внутри медленно разрасталась, она просто разъедала меня. Нельзя ей поддаваться, я ведь не одна. Надо найти Филиппа. Он жив, я знаю. Должен быть жив, иначе я этого не вынесу. Где же ты, Фил?

Я медленно проваливаюсь в сон. Передо мной возникает образ Марии, которой я все-таки врезала. Эми при этом весело хлопала в ладоши.

Глава 2

– Крошка моя, будь сильной, – мама улыбается, но из ее глаз идут слезы. Хватка ее рук слабеет. Жизнь покидала ее. Она знает, что это конец, но продолжает улыбаться. – Люблю тебя.

Я открываю глаза. Опять кошмары. Или воспоминания? Подобные сны снились так часто, что я уже не помнила, что правда, а что игра воображения. В любом случае, я заставляла себя об этом не думать.

В комнате еще темно. Я поворачиваюсь на бок и врезаюсь головой в стену.

– Блять, – несколько секунд сильная боль не отпускает меня.

Дурацкая комната. Что я вообще здесь делаю?

– Софи?

Я задерживаю дыхание, прислушиваюсь к тишине вокруг.

Мне слышалось или кто-то звал меня по имени?

– Софи, ты слышишь?

Не почудилось.

– Эми? – я встаю на колени и прижимаюсь всем телом к прохладной стене.

– Да. Слава богу, это ты, – в ее голосе слышны нотки облегчения. – Слушай, Софи. Не стоило тебе это делать.

– Делать что?

– Попытаться спасти меня.

– Ты так говоришь “спасибо”?

У меня вырывается нервный смешок. Она же это не серьезно?

– Я была бы мертва, но а ты – на свободе.

– С твоей кровью на руках?

Эми невесело смеется.

– Я не говорю, что это правильно. Я бы сама не смогла так поступить. Но это было бы разумнее, – последние слова она добавила после некоторой паузы.

– Уже поздно об этом думать, – я вздохнула. Бросить человека на произвол судьбы, чтобы спасти свою задницу? Не так меня воспитывали.

– У нас есть дела поважнее.

– Например решить, как свалить отсюда?

– Именно, – говорю я, кажется, слишком громко.

За дверью тут же послышался шорох.

– Кажется, нас услышали, – голос Эми был еле слышен.

– Черт, извини. Тогда поговорим потом, – я говорила так же тихо.

– Ладно, я попытаюсь поспать.

Я повалилась на кровать и укрылась одеялом. Хоть какая-то хорошая новость: я могла говорить с Эми. Я не сойду с ума от одиночества. У меня есть подруга.

С такими позитивными (если можно так сказать) мыслями я снова засыпаю.

Я проснулась от какого-то звука. Когда я открываю глаза, я вижу, как в комнату заходит женщина с подносом в руках. Вчера заходила тоже она. Маленький рост, седые волосы, усталый вид. Справится с ней будет легко. Уверена, в кармане у нее припрятан нож или пистолет. Все равно не сложно. Удивительно, почему они так несерьезно отнеслись к “обслуживающему персоналу”. Они же не так глупы, чтобы не видеть в нас угрозу? Вывод напрашивается сам собой: за этой дверью не спасение, а опасность.

– А вы здесь неплохо живете. Отбираете все у людей за стеной, а сами зажрались так, что устраиваете ресторан для заключенных.

– Ты не совсем заключенная. И здесь не тюрьма, – она подвинула поднос ближе ко мне. – Тебе нужно хорошо питаться, чтобы выглядеть соответствующе.

– Для чего?

– Никаких вопросов, – женщина быстро скрывается за дверь. Я села и потянулась к еде. Не понимаю, что здесь происходит, но кушать надо. Для успешного побега нужны силы.

Следующие несколько часов ничего не происходит. Если их цель – добить нас скукой, значит пока все идет по плану. Долго в таком темпе я не протяну. Я обшарила все уголки в поисках хоть чего-нибудь, но все тщетно. От Эми не было слышно ни звука. Я начала уже думать, что ее куда-то увели или случилось что-то еще хуже, как вдруг услышала тихий голос за стеной. Как оказалось, она не спала всю ночь, поэтому заснула только под утро и проснулась только сейчас. По ее рассказу, у нее была такая же комната, в которой так же ничего не было. Временами в коридоре были слышны шаги, и мы ожидали, затаив дыхание, что это идут за нами. Однако, шаги стихали. После нескольких подобных случаев мы решили, что находимся не в какой-нибудь тюрьме, а в каком-то общественном здании, где находились и другие люди. Что они здесь делают? И что делаем здесь мы?

После обеда я начала мерить комнату шагами. Час, два часа, три... Я потеряла счет времени. Это просто невыносимо! Надо что-то делать. Я подошла к двери и начала по ней колотить.

– Софи, что ты делаешь? – послышалось за стеной.

– Откройте! Выпустите меня!

“Ну конечно, сейчас прибегут и сразу выпустят”.

За дверью послышались шаги. Маленькое окошко в двери открылось и в ней показалось лицо Марии. Совсем как в тюрьме.

– Чего тебе?

– Зачем вы нас здесь держите?

– Я же сказала: никаких вопросов.

– А мне плевать!

– О, какая дерзкая, – она ухмыльнулась. – Считаешь себя бунтаркой. Думаешь, тебе море по колено. Посмотрим, какой ты будешь через пару недель. А может и дней, – она рассмеялась.

“Зайди сюда, вот потом и поговорим, сучка”.

– Так зачем вы нас здесь держите? – повторяю свой вопрос.

– Скоро узнаешь, – она захлопнула окошко.

– И много узнала? – хихикала Эми.

– Ой, заткнись, – я возвращаюсь к кровати. – Я не хочу здесь умирать, – тихо шепчу я скорее себе, чем подруге.

– Я тоже, – тихо отвечает она.

В этот момент в соседнюю комнату кто-то заходит.

– На выход, – это была сучка Мария. Через несколько секунд дверь захлопнулась. Сердце начало колотится с бешеной скоростью. Куда увели Эми? Ее убьют? Они придут и за мной? Неровный сердечный ритм передается на все тело, и я уже вся трясусь от страха. Чтобы хоть как-то унять дрожь,

закутываюсь одеялом и ложусь на кровать.

Через пол часа щелкает замок двери. Сердце уходит в пятки. Какой бы смелой мне не хотелось быть, я боюсь. Мне всего семнадцать и я не хочу умирать. Я сжимаюсь в матрац, пытаюсь слиться с ней.

– Вставай, – Мария дернула за край одеяла, – ну же, живее.

– Что вы собираетесь делать? – мой голос предательски дрожит.

– Давай сюда руки.

Я не двигаюсь с места. Мария полезла в карман брюк, достала пистолет и направила на меня.

– Быстро, – голос ее был раздраженным. В комнату заходит еще одна женщина. Сколько же их тут?

Я протягиваю руки вперед. Женщина надевает на меня наручники, затем завязывает глаза.

“Если они хотели меня убить, то давно бы это сделали”, – пытаюсь я себя хоть как-то успокоить.

Меня ведут за руку и параллельно толкают в спину. В этот раз мы шли не так долго, как вчера. После последнего поворота мы остановились. Меня затолкали в какую-то дверь и развязали глаза. Маленькое помещение было... очередным душем?

– Раздевайся, – сухо приказывает Мария. Она все еще держала пистолет в руках. – Без фокусов.

Какие нахрен фокусы? Я в таком состоянии не могла даже думать и просто делала то, что мне велели.

Вторая женщина сняла с меня наручники. Я разделась и повесила одежду на крючки. Вся эта ситуация меня очень смущала.

– Теперь мойся, – моя “нянька” указала на другой угол, который был закрыт с одной стороны перегородкой. Это был душ и, о боже, там были мыла и шампуни. Здесь не было грязи, плесени и мерзкой слизи, как в прошлом месте, где нас досматривали. Все было чисто и аккуратно. На полках даже были полотенца.

– Долго будешь стоять?

Я скрываюсь за перегородкой и включаю воду. Из крана потекла теплая вода. Черт, как приятно. Я не помню, когда мылась нормально в последний раз. С тех пор, как я покинула дом, это было всего пять раз. Пять раз за два месяца.

– Не стесняйся, мойся хорошо.

– Вы так и будете здесь стоять?

– Нет, мы пойдем попьем чайку, пока ты не закончишь свои дела, – даже не стоит смотреть на нее, чтобы знать выражение ее лица. За такую ухмылку хочется разбить ее лицо об стену.

Нужно просто представить, что здесь никого нет. Меня раньше не видели нагишом. А это, оказывается, очень сильное психологическое давление: стоять голой перед людьми, когда ты этого совсем не хочешь.

Я тщательно помыла волосы и, по просьбе Марии, дважды помыла тело с мылом.

– И еще побрейся. Везде.

– Что?

Я не ослышалась? Что за собрание извращенцев?

– Что слышала, – женщины рассматривали меня со скучающим видом. – Хочешь чтобы это сделала я?

У этой женщины все в порядке с ориентацией? Надеюсь, что да.

Когда я наконец закончила мыться, мне дали два полотенца и попросили высушить волосы. Все это заняло примерно полчаса, если не больше. Получается, Эми тоже была здесь? Если да, то где она сейчас?

– Закончила? – женщина, которая не удосужилась представиться, подошла ко мне и потрогала волосы. – Пойдёт. Давай сюда руки, – она снова надела на меня наручники и завязала глаза. Затем меня накрыли чем то вроде мантии, завязав ее узлы на шее и пристегнув пару пуговиц.

Мы вышли из душа и снова пошли непонятно куда. Через несколько минут меня завели в какую-то комнату. Женщины без церемоний толкали меня из стороны в сторону, посадили на кровать и заставили лечь. Затем одна из них подняла мои руки над головой и зафиксировала их еще одними наручниками на изголовье кровати.

После она стянула с меня плащ и укрыла чем-то очень тонким. Это что, шелк?!

Пока они возились со мной, они игнорировали все мои вопросы. Я же была на грани истерики.

– Не дергайся. Скорее, ты порежешь себе кисти, чем сможешь освободиться.

“Да что ты говоришь?”, – хочу я орать во весь голос, но слова не выходят. От страха в горле встал ком. Я знаю, что мне не выбраться.

– Запомни главное: не разговаривай. С тобой не будут сюсюкаться. Нам нельзя вас трогать, чтобы сохранить для них. А они уже могут делать все, что захотят. Так что молчи, для своего же блага, – с этими словами женщины удаляются из комнаты. Я остаюсь в полной тишине, которая сейчас красноречивее многих слов.

“Тебе ничто не поможет”.

Глава 3

Минут через десять дверь снова открылась. Я замираю, будто смогу слиться с кроватью. Будто это как-то мне поможет.

Кто-то зашагал в мою сторону и присел на край кровати, которая прогнулась под его весом. В нос ударил аромат его тела. Так же от него немного пахло мокрой землей и дождем. Почему-то я сразу поняла, что это точно был мужчина.

Он мягким движением провел кончиками пальцев по моей скуле.

– Как тебя зовут? – голос его был приятным. С таким голосом можно легко навесить лапшу на уши, или вести долгие дискуссии, точно зная, что тебя слушают, или стать отличным оратором. Дерьмо, о чем я вообще сейчас думаю?

– Не твое собачье дело, – отвечаю я предательски дрожащим голосом.

Мой таинственный незнакомец усмехнулся.

– Думаю, ты не в том положении, чтобы мне грубить.

Его пальцы спускаются вниз по моей шее и начинают не спеша гладить ключицы. По коже пошли мурашки. Я ощутила приятный трепет внутри. Но почему? Это же омерзительно.

– Убери. От меня. Свои. Руки, – прошептала я как можно спокойнее, делая акцент на каждом слове.

Мужчина схватил меня за скулы одной рукой и прошептал совсем рядом, так, что я чувствовала лицом его теплое дыхание.

– Не стоит говорить со мной таким тоном, – в его ледяном голосе послышалась явная угроза.

Его рука скользнула вниз поверх шелковой ткани. Пальцы чертили круги на груди. Мои соски затвердели, внизу живота все сжалось от желания.

Нет. Ни здесь и не так. Это не правильно.

Я сжала колени, надеясь, что это осталось незамеченным.

Как можно чувствовать вожделение и отвращение одновременно? Первое я чувствовала всем телом, второе было в моей голове.

– Да пошел ты! Кем ты вообще себя возомнил?! – я резко дернулась всем телом. Мой голос сорвался на крик. Волна паники накрыла меня.

– Перестань строить из себя святую. Думаешь, я не вижу, как ты меня хочешь, – его голос все больше становился раздраженным.

Мария была права, мне следовало молчать. Я понимаю, что своими словами лишь больше дразню зверя, но не могу себя сдерживать. Не могу же я просто молчать. Поток оскорблений и ругательств лился из меня без остановки.

– Сукин сын! Вы все сборище подонков, прогнивших изнутри. Творите, что хотите, возомнив себя богами, хотя это вас всех надо поубивать! – металл наручников больно впивался в кисти рук. – Отпусти меня!

– О, не бойся, я отпущу тебя, как только ты мне надоешь. Но не сильно радуйся. Лучше, чем здесь, тебе уже не будет.

Резко стянув с меня маленький кусок ткани, который, наверно, едва скрывал мое тело, он раздвинул мои колени и устроился у меня между ног.

– Через минуту ты будешь кричать от удовольствия подо мной. Так к чему все эти слова? – он схватил меня за щиколотки и согнул ноги в коленях. – Какой прекрасный вид.

Я подтянулась руками и скользнула вверх по простыне. С силой дернула ногами, освобождая их от плена его рук и ударила мужчину в грудь так, что разболелись стопы.

– Животное!

Через секунду мои бедра были прижаты его телом к матрасу, через две вспыхнула моя левая щека. От неожиданности я закричала. Кожа на лице начала гореть.

– Как это низко: насиловать и избивать девушек. Еще смеешь называть себя мужчиной! – сейчас к страху и злости прибавилась обида.

– Я ни разу не насиловал девушек. Я приносил им удовольствие, такое же, как и они мне, – от его нарочитого спокойствия в голосе кровь стынет в жилах. Кажется, эта была последняя капля. – Но раз ты так настаиваешь на животном...

Он резко перевернул меня лицом к кровати, затем приподнял мои бедра и грубо развел колени своими коленями. Все это произошло так быстро, что я даже не успела опомниться и что-нибудь ответить. Я слышала, как расстегиваются брюки. Он потянул меня за волосы, заставляя проснуться еще сильнее. Одним резким движением он вошел в меня сразу во всю длину. Острая и жгучая боль пронзила низ живота.

На пару секунд он замирает и издает тихий глубокий стон. Его пальцы впиваются в мои бедра. Он начал двигаться, буквально долбиться в меня резко и грубо. Комнату заполнили отвратительные звуки от шлепка тела о тела.

Я прикусила губы так, что во рту появился металлический привкус крови. Из меня вырывались стоны, но это были стоны вовсе не от удовольствия. По щекам потекли слезы.

Я пыталась как-то абстрагироваться, мысленно уйти отсюда, но ничего не выходило. Я чувствовала его каждой клеточкой своего тела.

Я не просила его остановиться, потому что не могла выдать из себя ни единого слова. Чувствовала себя морально опустошенной. Кажется эта боль в душе была сильнее физической.

С ужасом для себя осознаю, что почти привыкла к этому и просто жду, когда он закончит. Громкие стоны перешли на тихие всхлипы.

Когда он начал двигаться быстрее, я поняла, что этот ужасный омерзительный акт совокупления близится к концу. После финальных толчков я почувствовала разряд небольшой теплой жидкости внутри себя.

“Тебе никогда не отмыться от этой грязи”.

Из его уст вырвался стон сущего наслаждения, и он не двигался какое-то время. Его член пульсировал. Когда он отпустил мои волосы, я уперлась лицом в кровать. Затем он медленно вышел из меня.

– Твою мать! – в его голосе слышалось изумление.

Вниз по бедру потекла тонкая струя крови. Остатки моей чести и достоинства.

“Уходи, пожалуйста, уходи”, – умоляла я его про себя.

Он замешкался, видимо, надевая штаны. Значит, все. Что будет дальше? Кто-то еще придет сюда?

Хлопнула дверь. Я не двигаюсь несколько минут. Когда я поняла, что больше никто не придет, я потянулась коленями к груди и разрыдалась.

Лучше бы они меня убили. Стать шлюхой для тех, кого

ты ненавидишь, хочешь убить, уничтожить, кто отнял у тебя все, лишил нормальной жизни, – я не могу представить себе большего унижения. Что они со мной сделают? Все, что угодно. Эти люди безжалостны и бессовестны. Они пустят меня по рукам и будут драть до тех пор, пока их игрушка не сломается. А много ли для этого надо? Я морально подавлена, сломлена. Всю мою сущность готовы стереть в порошок. И все ради нескольких минут удовольствия.

В комнату снова кто-то вошел.

– Вставай, – приказала Мария после того, как отстегнула мои руки от изголовья кровати. На меня что-то накинули сверху и повели в свою комнату. Когда я осталась одна, я оделась и свернулась клубочком на кровати.

К такому меня жизнь не готовила. Я была наслышана об их жестокости и бесчеловечности, но чтобы настолько... Больные ублюдки. Никогда не приму их сторону. Как их вообще можно понять? Возомнили себя хозяевами всего, начали эту бессмысленную войну.

Война... Сколько она уже идет? Лет десять? Пятнадцать? Здесь не было ни языка, ни религии, ни цвета кожи. Была только смерть. Несколько “умных” людей собрались вместе и решили, что ресурсов на всех не хватит. “Власть сильнейшим. И все остальное тоже”, – сказали они. Тех, кто не повиновался, убивали. Тех, кто бежал, находили и убивали. Тех немногих, кто сопротивлялся, убивали, устраивая показательные казни. Столько смертей... Люди боялись и потому опускали

руки. Но это была только иллюзия выбора. Они становились рабами, средствами достижения цели, расходным материалом. Не знаю, как здесь, но за стеной все было именно так.

Здесь был центр, откуда болезнь распространялась дальше. Безопасно было только там, куда они не добрались. Пока не добрались. Мы жили достаточно далеко отсюда. Так я думала до тех пор, пока они на моих глазах не убили родителей. Я сбегала, думая лишь о мести. “Надо найти Фила и убить их всех”, – думала я.

Со временем, ярость немного утихла. Путь сюда был долгим: мне понадобилось два месяца, чтобы подойти так близко. За это время планы изменились. Сейчас мне хотелось найти Фила и бежать так далеко, как сможем. Но вчера вышла осечка. Вот что бывает, когда пытаешься помочь людям. Эми тут не причем. Я не бросила бы любого, кто мог оказать на ее месте. Она хотела помочь мне пробраться за стену, хотя и называла это самоубийством. Ну что ж, она помогла.

Мои мысли прерывает звук открывающегося дверного замка. В комнату заходит девушка на вид лет двадцати пяти. Она была красивой: длинные светлые волосы, собранные в хвост, полные розовые губы, точеные скулы и глаза небесно голубого цвета. На ней была форма цвета хаки, такая же, как у всех здешних людей. В отличие от всех женщин, которые здесь бывали, она не выглядела враждебно настроенной.

Она подошла ко мне.

– Я посмотрю, все ли с тобой в порядке.

Это шутка? Здесь есть люди, разбирающиеся в медицине?
“Конечно, дубина. Здесь же не какое-то захолустье”.

Осмотрев меня, она завершила, что со мной все в порядке, и боли скоро пройдут.

– Тебе стоило сказать, что ты девственница.

– Это бы мне помогло? – спрашиваю я ироничным тоном.

– Вообще, да. Мужчины не любят пачкаться в крови. Может ты удивишься, но им нравится, когда девушка тоже получает удовольствие.

– Теперь это уже не проблема, – я невесело рассмеялась.

– Не будь упрямец – не создавай себе лишних проблем.

“Хорош совет. Спасибо, очередная сука”.

– Хочешь помочь? Помоги мне сбежать.

– Не могу. Я знаю, на чьей я стороне, – девушка достала что-то из кармана. Это была баночка с таблетками. Она протянула их мне.

– Ты знаешь, что это?

Конечно, знаю. Противозачаточные таблетки. Очень популярны сейчас. Никто не хочет рожать детей в этот убогий мир.

Я кивнула.

– Тогда ты знаешь, что с ними делать, – она встала и ушла.

Когда она вышла, за дверью послышались голоса. Я не расслышала, что ей сказали, но услышала ее ответ.

– Я делаю свою работу, Мари. Советую тебе заняться тем же.

Глава 4

– София, стой, – Фил не успевал за мной. Мы спустились вниз к реке, чтобы искупаться.

– Догоняй, – я смеюсь и бегу еще быстрее.

– Я уже сегодня набегался, – бросает он мне в спину.

– Слабак, – я поворачиваюсь и показываю ему язык.

У меня самой ныли все мышцы. Но прохладная вода в жаркий летний день казалась такой соблазнительной.

Когда я подошла к воде, я обернулась на брата. Он раздевался на ходу, бросая на землю свою одежду.

– Чего ждешь? Боишься? – он хитро улыбнулся.

Я надула губы. Плавала я пока плохо, поэтому одна в воду не лезла.

Фил разбежался и прыгнул в воду. На меня полетели капли воды.

– Вода отличная. Идем, Софи. Обещаю, я больше не буду смеяться.

Я медленно вошла в воду. Когда вода уже доходила до груди, я поплыла в сторону брата.

– Вот же, у тебя неплохо получается, – Фил тепло улыбался. – Когда вырасту, построю дом возле какого-нибудь озера. Каждый день будем туда ходить.

– Ой, когда еще это будет?

– Когда-нибудь обязательно. Не будем же мы всегда здесь жить.

Я собиралась спросить, почему это он не хочет здесь оста-

вался, но замерла от ужаса, увидев его. Он был весь в крови.

– Софи, помоги! – крикнул он отчаянно, махая руками и расплескивая вокруг себя воду.

Я пыталась плыть к нему, но что-то держало меня за ноги. Когда я посмотрела вниз, я увидела мужчину, который тащил меня под воду. Его глаза были черными, как угли, а правую щеку будто прострелили насквозь. Уже будучи под водой, я увидела, что вся вода была красная от крови.

Я просыпаюсь. Когда закончатся эти кошмары?

Поварачиваюсь лицом к стене и тихо барабаню по ней пальцами.

– Эми, ты здесь?

Тишина. Я постучала сильнее.

– Эми?

– Софи? Ты чего не спишь? Еще же так рано, – голос у нее был и впрямь сонный.

– Откуда ты знаешь, что рано?

– Потому что я еще не выспалась.

Я представила, как она потягивается на кровати и снова сворачивается в клубок. Прямо как кошка. Она и была похожа на кошку: загадочная, соблазнительная, грациозная.

После некоторой паузы я спросила:

– Ты как?

– Неплохо.

– Серьезно?

– Ну... это не самое ужасное, что они могли с нами сде-

лать.

– Как ты можешь такое говорить?

– Софи, я не знаю, откуда ты приехала, но наш город подчинили себе одним из первых. Они выслали к нам десятки своих людей, которые надзирали за нами. За все эти годы всякое случалось...

– Это же ненормально! Эми, неужели ты так легко с этим смирилась? – не могу поверить в то, что она говорит.

– Я не мечтала стать шлюхой. Я просто говорю, что это не так уж и плохо. К тому же, у нас был день, чтобы морально настроиться.

– О чем ты говоришь? – я не понимала ее все больше.

– Я догадалась, зачем нас везут сюда уже на границе поселения. Думаешь, зачем они раздели и отмывали нас? Чтобы заценить наши прекрасные природные данные.

Природные данные? Знала бы она, чем я обязана своим “природным данным”. Может лицом я и получилась милашкой (спасибо родителям), но свое тело сделала таким я сама. Конечно, и тут не обошлось без родителей. Отец готовил нас с Филом к войне с самого детства, но лишь для того, чтобы суметь себя защитить. Времена были беспокойными уже тогда.

“Для того, что дать отпор, не достаточно знать, как и куда надо бить. Нужно иметь для этого силы”, – говорил нам отец. Мы занимались почти каждый день. Поначалу было трудно, но со временем мне это начало нравиться. Мне нравилось,

что Фил начал проигрывать мне не понарошку. Нравилось попадать прямо в цель одним выстрелом. Нравилась боль в мышцах после изнуряющих тренировок. Нравилось бегать по утрам. Нравилось быть сильной, вырубать людей одним точным ударом. И мне нравилось мое тело. В моем видении я довела его до совершенства. Это была огромная, тяжелая работа над собой. Но оно того стоило, ведь благодаря этому я добралась сюда живой. И никакие “природные данные” здесь ни при чем. Но Эмили не обязательно это знать.

— Знаешь, один из них мне даже понравился, – вырывает она меня из моих размышлений.

Погодите, что?! Один из них?! Наверно, мои глаза округлились так, что почти вылезли из орбит. Какого хрена?!

Какое-то время молчу, не находя подходящих слов. Вопрос слишком резкий, личный, но я не могла не спросить:

– А... сколько их было?

– Четверо. Или пятеро? Точно, их было пять, – рассказывает она будничным тоном, как о покупке овощей на рынке.

“Их было пять”. И она так спокойно об этом говорит?! Больше я ничего не спрашивала. Не хотела выяснить еще какую-нибудь жуткую подробность.

Я целый день провалялась в кровати, почти не притрагиваясь к еде. После обеда Эми увели. Я с ужасом ждала, когда придут за мной. Но никто не пришел. Ни после обеда, ни после ужина. Эми вернулась, когда на улице уже стемнело. Мы больше не обсуждали ситуацию, в которой оказались.

Не могла выслушивать ее слова о том, что ее все устраивает. Мы говорили об обыденных вещах, рассказывали друг другу старые истории. Разговоры с ней мне помогали. Они спасали от одиночества, от чувства обреченности, от воспоминаний, которые вырывались наружу. Но во сне я не могла их контролировать. Сегодняшняя ночь не была исключением. Мне снова и снова снилось то, как мои любимые люди истекают кровью, и я не могла им помочь.

– Прости меня, Фил, – повторяла я, как сумасшедшая, когда проснулась.

Мой брат ушел добровольцем на войну год назад, потому что “не мог спокойно смотреть, как страдают люди”. Он надеялся изменить ход событий, а я не представляла, как он собирается это сделать. Последнее письмо от него мы получили полгода назад, и я знала, где его искать, но не знала, жив ли он сейчас. Какое безумие: я ищу брата или его труп. Где-то внутри я чувствовала, что он жив. Это же Фил, он не пропадет, его вырастили таким. Не могу же я потерять всех разом?

После ужина, к которому я даже не прикоснулась, ко мне пришла Мари. Все то же самое: наручники, повязка, душ. Я не сопротивлялась, у меня не было сил. Меня будто заперли в собственной голове, где я сидела в маленькой клетке, кричала и плакала от безысходности положения. А снаружи наивно казалась бесчувственной куклой, которая делала все, о чем просили. И даже когда я лежала связанная голышом в

кровати, мне было плевать на то, что произойдет. Хуже уже не будет.

Скрипнула дверь и послышались тяжелые шаги. Когда он присел рядом со мной на кровать, я поняла, что это тот же человек. Я узнала его по запаху.

Он провел пальцами по тому месту, куда ударил два дня назад. Я поняла, что там вышел синяк, когда почувствовала боль при прикосновении еще вчера утром. Вряд ли он еще прошел.

Его прикосновения были осторожными, даже робкими. Теплое дыхание щекотало кожу. Он стянул с меня шелковое покрывало и какое-то время не притрагивался, наверно, наблюдая. Затем он провел костяшками по моим ребрам.

– Изводить себя голодом – не самое мудрое решение, София, – произнес он спокойным тихим голосом. – Мне от этого ничего не будет. Но тебе стоит знать, что голодная смерть – это мучительно и долго.

“Какой ты заботливый”.

Он продолжал водить руками по моему животу.

– Знаешь, мы с тобой могли бы неплохо... поладить.

Поладить? Серьезно? Если бы не вся эта ситуация, я бы рассмеялась ему в лицо. Но я молчала.

– Ты сегодня подозрительно тихая, – он взял меня за подбородок и чуть наклонил голову влево, видимо, в свою сторону.

– Чего ты хочешь? – спрашиваю я шепотом, забывая до-

бавить слово “услышать”.

– Чего я хочу? – переспросил он, отстегивая наручники от изголовья кровати. – Вставай. Только не глупи, – он взял меня за локоть и помог сначала встать на пол, затем, давя на плечи, поставил на колени.

Твою. Мать.

– Подними руки, – скомандовал он.

Я чуть приподняла руки, он взял мою ладонь и обхватил ею свой член, сжал его и начал водить ею вперед назад. Я слышала, каким тяжелым и неровным стало его дыхание.

– Открой рот, – сказал он севшим голосом. Он провел пальцем по моей нижней губе, заставляя открыть рот еще шире.

– Возьми его.

Я осторожно наклонилась вперед, обхватывая его член губами. Он запустил руки мне в волосы и начал толкаться мне в рот. Я не сопротивлялась. Запертая часть меня билась о стены от очередного унижения, но внешне это никак не выразалось.

Его движения были плавными, неторопливыми. Куда подевался тот зверь, который отымел меня в прошлый раз? Его сегодняшнее спокойствие и хорошее настроение настораживали меня. Я все ждала, когда же монстр вновь выберется наружу. Возможно, тогда я спровоцировала его сама, хотя это его никак не оправдывает.

По мере того, как он наращивал темп, он сильнее тянул

мои волосы. Когда он дошел до финала и кончил мне в рот, у меня возникла противная мысль о том, что он метит меня везде, где может.

Я чуть запрокинула голову назад и опустила руки на колени.

– Вставай, – он помог мне подняться и снова лечь на кровать. – Надеюсь, тебе хватит ума, чтобы не дурить, если я не пристегну твои руки, – говорил он, поднимая их над моей головой. Я кивнула. – А теперь скажи мне, чего хочешь. Ты же понимаешь, о чем я тебя спрашиваю?

Конечно понимаю. Он говорил про секс. Но что конкретно он хочет от меня услышать? Давай попробуем в другой позе?

Он провел пальцами по моим волосам.

– Ну же, Софи, скажи, чего ты хочешь, – промурлыкал он. Такой довольный, но, наверно, не до конца удовлетворенный, если он все еще здесь.

– Ничего, – произношу я шепотом.

Он разводит мои ноги и приподнимает бедра так, чтобы мои колени обхватили его за талию. Блять, неужели это происходит снова?

– Уверена? – он что-то писал пальцами на внутренней стороне моего бедра.

По телу пробежались мурашки, пульс участился. А когда он наклонился, чтобы поцеловать меня в живот, внутри меня все сжалось. Я списала все это на страх перед тем, что

произойдет дальше. Да, я боялась, но дело было не только в этом, хотя я не хотела признаваться себ в этом. Какими же мы все-таки были примитивными, когда дело доходило до секса.

Я все же решаюь ему ответить:

– Пожалуйста, не делай мне больно.

– Расслабься.

Он медленно вошел в меня и начал двигаться, с каждым разом заходя все глубже. Когда он опустил одну руку на мой клитор и начал описывать там круги, то нажимая, то отпуская его, я почувствовала приятное напряжение внизу живота. Как же это прекрасно. Я кусала губы, подавляя стоны, потому что было стыдно себя выдавать. С каждым новым толчком становилось все труднее себя сдерживать.

Не отдавая себе в этом отчет, я сильнее обнимаю его коленями и начинаю двигаться ему навстречу. Потом я буду себя за это ненавидеть.

Наши тела двигались в унисон, его умелые пальцы ласкали меня все настойчивее. Вскоре оргазм обрушился на меня, как лавина. Я просто растворилась, не обращая внимания на то, что мой “партнер” продолжал меня трахать. Когда меня начало отпускать, я чувствовала, как сильно стенки влагалища обхватили его член, который уже пульсировал. И вот снова маленькое извержение внутри меня. Он опустил мои бедра и прилег рядом. Мои ноги дрожали. Мне было так хорошо от того, что он делал, и, в то же время, плохо из-за

того, кто именно это делал и где это происходило.

Пару минут мы лежим в тишине. Я медленно опустила свои руки к животу.

– Если я не пристегну твои руки, ты не будешь делать глупостей? – спросил он меня требовательным тоном.

– Нет, – прошептала я еле слышно.

– Ладно, отдыхай, – он проводит руками по моим волосам и встает с кровати.

– Постой.

– Что такое?

– Кто-нибудь еще придет сюда? – спрашиваю я голосом, не скрывающим волнения и страха.

Он помедлил с ответом.

– Ты этого хочешь?

– Нет.

– Я тоже, – говорит он и уходит, оставляя меня одну.

Я выдыхаю с облегчением.

Глава 5

Мне было стыдно. Сегодня я просила его отыметь меня нежно, а завтра буду обсуждать с Эми, кто из них лучше в постели. Надеюсь, я этого не узнаю. После сегодняшнего мне не хотелось, чтобы ко мне прикасался кто-то другой. Хотя сейчас, когда я уже сидела в своей комнате, я не хотела, чтобы и *он* ко мне прикасался. Я все еще считала его последним мудаком, у которого, видимо, были какие-то проблемы, раз он удовлетворял свои желания таким образом. Но я не

доверяла себе, когда он был рядом, и не могла найти этому разумное объяснение.

Так странно, но этот вечер вывел меня из состояния апатии. Решетки клетки сломались, разум и чувства вырвались наружу. Голос в голове твердил, что мне еще рано умирать, и поэтому отсюда надо бежать. Как это все устроить, я себе не представляла. Для начала нужно запомнить пути, которыми меня ведут туда и обратно, и попытаться вспомнить тот путь, которым меня привели сюда в первый раз. Еще стоило запомнить всех здешних людей. Но самое главное, нужно быть готовой к этому физически. За пару дней здесь я успела растерять форму. Заниматься здесь будет сложно, но не невозможно. Главное, чтобы этого никто не заметил.

Я взяла со стола свой уже остывший ужин и принялась за еду.

“Черта с два, я не сдамся. Я выберусь отсюда и придушу ублюдка повязкой, которой мне завязывают глаза”.

Кстати, это был еще один вопрос, не дававший мне покоя. Зачем нам завязывали глаза? Допустим, девушек меняли (по непонятным мне причинам, но все же). Освободившиеся пленницы могли ткнуть в человека в толпе и рассказывать людям, что были их сексуальными рабынями? И что это им давало? Позор людей самой верхушки? Я не сомневалась в том, что попала в самое пекло. То есть к тем, кто распоряжался армией, давая им указания захвату и подчинению людских поселений. Ведь больше никто не мог поз-

волить себе то, что здесь творилось.

Так зачем они скрывали свои лица? У меня была только одна теория: люди не знали, как именно выглядели те несколько человек, которые заправляли тут всем, в том числе и ими. Но зачем? Наверно, за пределами этих стен люди жили не намного лучше, чем остальные мученики. Они думают, что приняли сторону сильнейших, на деле же становятся лишь рабами с более лучшими условиями жизни. Конечно же, есть недовольные, те, кто хотел бы убить и занять место главного. Но как узнать, кто здесь главный, если его никто не видел в лицо, если он не фанат пламенных и вдохновляющих речей перед толпой фанатиков? Никак, потому что даже девушка, утверждавшая, что была его сексуальной рабыней, не сможет описать внешность этого человека.

Идея бредовая, но нужно было себя чем-то развлекать. Эми опять вернулась поздно. Она была не очень разговорчива. В ее голосе не осталось ничего от бывлой беспечности. С ней что-то произошло, но рассказывать об этом она не хотела.

На следующее утро я проснулась от шума капель, барабанивших по стеклу. Как же мне хотелось выйти на свежий воздух. Я встала и начала измерять шагами комнату. Да, тут не разбежишься, но если я буду тупо лежать, мышцы быстро растеряют свой тонус. Я ходила из стороны в сторону в течении получаса, прыгала, приседала, отжималась, отрабатывала удары, вспоминая все, чему учил меня отец. Я пре-

рывалась на завтрак и обед, затем начинала все по новой.

По разговорам я понимала, что с Эмилией что-то не так. Она почти не говорила, на вопросы отвечала очень вяло. Ее состояние меня беспокоило. Но и утешать ее было нечем, ведь мы тонули в одной лодке. Я винила себя за то, что втянула ее в свою авантюру. Она не побоялась мне помочь, за что оказалась здесь – в своего рода тюрьме для шлюх.

– Я ошиблась, Софи. Это худшее, что могли с нами сделать, – ее голос был подавленным.

– Ты говорила, что мне не следовало тебя спасти, – шепчу я.

– Я все еще того же мнения.

– Я же думаю, что тебе изначально не следовало мне помогать, – произношу я вслух то, что мучает меня уже несколько дней.

– Ну что ж, один – один, – рассмеялась она. – Ты не виновата в том, что весь мир – такое дерьмо. Видимо, здесь нет места добрякам, которые еще не забыли, что значит помогать людям.

– Может ты и права, – нелегко такое признавать, ведь я все еще верила во что-то хорошее. Но во что именно? В своего брата и наше счастливое будущее. Это было моим лучиком надежды, единственным, что заставляло меня просыпаться по утрам последние пару месяцев. – В любом случае, я рада, что познакомилась с тобой. Ты одна из немногих, кто дает надежду этому дерьмовому миру, – говорю я абсолютно ис-

кренне. Уже с первого взгляда я поняла, что в Эмилиии был какой-то огонек. Хоть она и говорила, что давно смирилась со всем, она бы не стала мне помогать, будь это так. В ней был бунтарский дух, который она хорошо скрывала под маской безразличия.

– Спасибо, Софи. Ты тоже ничего, – усмехнулась она.

Ее увели после обеда. Ее рано забирали и поздно возвращали. Не представляю, со сколькими она виделась и что они с ней делали. Мне хватило одного раза, чтобы бояться сказать лишнее слово. Но сколько таких раз было у Эми?

Мари пришла за мной только после ужина, когда я уже никого не ждала. Сегодня она была одна. Наверно, мое состояние в прошлый раз убедило их в том, что в случае чего со мной вполне может справиться одна женщина. Ну и хорошо, пусть дальше так думают. Надо и дальше изображать из себя беспомощную мученицу.

Когда я осталась одна, мне стало страшно от того того, что ко мне придет кто-то другой. Пусть уж это будет тот, кого я знаю. Знаю его и хорошую, и плохую сторону. Но всегда ли он будет хорошим лишь по моей просьбе?

Мои размышления перебивает дверной скрип. Пульс участился, к горлу подкатила тошнота. Лишь когда я почувствовала знакомый запах, по телу прокатилась волна облегчения.

– Привет, Софи.

– Привет, человек, чье имя я до сих пор не знаю, – прошептала я, не зная, можно ли мне такое спрашивать.

– Тебе и не стоит знать, – говорит он так же спокойно.

– Жаль.

– Хочешь еще что-то спросить?

– Не развяжешь мне глаза? – спрашиваю я раз уж на то пошло.

– Если ты меня увидишь, мне придется тебя убить, – серьезным тоном произносит он.

– Ладно.

– Что ладно? – кажется, он навис надо мной. Под тяжестью его рук прогнулся матрас по обе стороны от моего тела.

– Не хочу тебя видеть, – отвечаю я.

Он усмехнулся.

– А чего хочешь?

– Тебе правда интересно?

– Ага, – он все еще не прикоснулся ко мне.

– Или это такой способ компенсации за мое неравноправное положение? – не знаю, почему произношу это вслух. Но я пытаюсь говорить самым спокойным голосом. Я не хочу кричать или ругаться, мне просто любопытно.

– Не помню, чтобы когда-нибудь выслушивал мнение девушек. И того, что позволял им себе перечить, – он взял одной рукой меня за подбородок и провел пальцем по нижней губе.

– Только не рассказывай мне о своих бывших, – пытаюсь говорить уверенно, но чувствую, с какой силой бьется сердце в груди. Наверно, он тоже это чувствовал.

Он мягко рассмеялся. Такой искренний и приятный смех.

– Ты флиртуешь со мной?

– Разве?

Я чувствовала его теплое дыхание на своем лице. Кажется, он наклонился очень близко. Через секунду его губы накрыли мои. Такие мягкие, они целовали медленно, давая прочувствовать каждое прикосновение. Я была очень удивлена такому проявлению нежности. Он провел языком по моим губам, затем вторгся в мой рот и начал изучать изучал его ловкими и уверенными движениями. Сама того не понимая, я ответила на его поцелуй. Наши языки сплелись в красивом танце, от которого между ног стало горячо и влажно. Он становился все настойчивее, но при этом почти не касался моего тела. В этот момент я хотела дотронуться до него, ощутить тепло его тела, почувствовать напряженные мышцы под ладонями. Какого хрена мне связали руки?!

Он мягко укусил мою нижнюю губу. От этого напряжение в паху только усилилось. Я не могу сдержать стон.

Слышу, как он расстегивает штаны. Так быстро?

– Подожди, хочу больше, – вырывается у меня. Черт, о чем я только думаю?

“О том, что хочешь, как было в прошлый раз”.

Фу, как быстро я опустилась на дно.

– Больше ласки и нежности? – спрашивает он с издевкой.

Лучше я промолчу.

Он устроился у меня между ног и снова наклонился ко

мне. Его губы коснулись моей щеки, затем проложили дорожку из поцелуев вниз по шее, посасывая мою кожу и оставляя на ней влажные следы. После его губы спустились вниз по ключице, он провел языком по впадине между ними. Его руки легли мне на груди, гладили и играли с ними, сжимая их. Он по очереди ласкал их губами, кусал, облизывал и посасывал затвердевшие соски. Внутри все сжалось от возбуждения и желания. Я пыталась сжать ноги, но он только сильнее развел их в стороны руками. Пока его руки держали мои колени, он водил языком по моему животу, посасывая нежную кожу и царапая своей щетиной. По телу побежали мурашки. Он, целуя меня, спустился вниз, я чувствовала его дыхание на своей промежности. Это было чертовски приятно, но так мало. Я безумно хотела его.

Он целовал внутреннюю поверхность бедра и медленно спускался вниз по ноге. Так же медленно поднимаясь по другой ноге, не оставлял без поцелуя ни единого участка кожи. Мое тело подрагивало и извивалось под ним, пока он вновь не поднялся к моему лицу. Одна его рука легла у меня между ног, его пальцы начали ласкать меня.

– Какая ты мокрая, – прошептал он, кусая мочку уха. Два пальца проникли внутрь и начали неторопливо двигаться. – Так достаточно ласково? – его губы почти касались моих.

– Да, – простонала я.

Он убрал свою руку. Послышались странные звуки, будто он облизывает пальцы.

– Что ты делаешь?

– Пробую тебя на вкус.

Это так пошло и грязно, насколько было возможно. И то, что он делал, и то, что делала я. Но в этот момент я пожалела, что не вижу его.

Он, не вставая, расстегнул штаны.

– Не хочешь раздеться? – мой голос казался каким-то осипшим. Отключим голову на какое-то время и прислушаемся к своему телу.

– Зачем?

– Хочу чувствовать прикосновение твоей кожи.

– Сейчас почувствуешь, – он усмехнулся.

– Да не про член я говорю, а про твое тело, извращец!

– Не сегодня.

– Куда-то торопишься?

– Не задавай лишних вопросов, – грубо отрезал он.

– Прости, – шепотом говорю я.

Головка его члена начала медленно скользить по моим влажным складкам.

– Давай договоримся: один день – одна просьба, – уже мягко произносит он.

– Хорошо.

Он вошел в меня, заполнив полностью, позволяя улететь в космос от удовольствия. Он двигался легко и безболезненно, потому что я была полностью готова.

– Софи, детка, не сдерживай себя, – он сделал резкий тол-

чок. Из моих губ вырвался громкий стон. – Да, вот так.

“Им нравится, когда девушка тоже получает удовольствие”, – вспоминаю я слова здешнего доктора.

Мои стоны заполнили комнату. Сейчас я приняла полное поражение. Мне ужасно нравилось то, что здесь происходило.

Мы были оба возбуждены до крайности, нам не требовалось много времени. Вскоре я начала стонать беспрестанно. Что-то внутри взорвалось и растеклось по всему телу теплом до каждой маленькой клеточки. Это было даже лучше, чем вчера. Намного лучше.

Он кончил следом и навалился на меня всем своим телом. Я чувствовала, как быстро бьется его сердце. Все тело содрогалось, меня просто накрыло на несколько минут. Разве может быть так хорошо?

Когда его дыхание выровнялось, он встал, натянул брюки и ушел, не сказав ни слова.

Какой романтик.

Глава 6

– Как тебе не стыдно, София, – мама смотрит на меня с презрением.

– Перед кем ей стыдиться, мама? Она же делает все, чтобы спасти свою шкуру, – Филипп сидит по-турецки на моей кровати.

– Нет, Фил, не говори так! Я сбегу и обязательно разыщу тебя, – я хочу встать и подойти к нему, но почему-то не могу

сдвинуться с места.

– Что-то не похоже, что ты пытаешься сбежать, – мама села передо мной. В руках у нее было большое зеркало. – Кем ты стала, Софи? Посмотри на себя.

Я взглянула на свое отражение. Абсолютно голая, волосы собраны в пучок, грудь покрыта засосами, а на шее был широкий черный ошейник.

– Ты забыла главное, – Фил бросил мне к ногам черную повязку.

– Нет, вы не понимаете, я хочу выбраться отсюда живой, – от их грубости и отсутствия желания понять меня я начинаю плакать.

– Тсс, помолчи, – Фил приложил палец к губам. – Слышишь? Они зовут свою сучку, – он отвратительно улыбнулся.

Кожаный ошейник сжался на моей шее так, что я не могла дышать. Что-то тянуло меня назад, и я беспомощно скользила туда по полу.

– По... моги, – я тянусь одной рукой к матери, другой хватаюсь за шею, пытаюсь ослабить хватку, но все тщетно.

Мама лишь помотала головой. Откуда-то появился отец. На его одежде было огромное кровавое пятно, а лицо было бледным, как смерть. Это и была смерть.

– Хорошо, что мы не дожили до этого, – говорит он.

Я просыпаюсь вся в слезах. Была только ночь, но больше я не спала. Я свернулась клубком и плакала, пока не кончились

слезы.

– Я делаю это для брата, – повторяла я. – Я должна отсюда выбраться и найти Филя. Должна.

Я все еще держусь своего мнения и хочу сбежать и, по возможности, перебить всех этих тварей. Но для этого нужно быть морально готовой. А если меня будут мучить, унижать и насиловать, то я сломаюсь. Какой смысл сопротивляться, если мне от этого будет хуже? Может, меня и будут осуждать, мне плевать. Я здесь не для себя.

Когда уже рассвело, старушка принесла мне завтрак. Впервые так нагло разглядывая ее лицо, я заметила ее удивительное сходство с Марией. Тот же нос, губы, форма лица. Получается, она ее мать? Отличный семейный бизнес, просто класс. Я усмехнулась.

– Что смешного?

– Ничего, – отвечаю я тихо, опуская глаза. Не стоит забывать про свою роль.

– Твоя подруга давно перестала смеяться. Посмотрим, сколько продержишься ты, – бросает она мне и скрывается за дверь.

– За тобой я тоже приду, мразь, – я сразу встаю и принимаюсь за дело. Сначала упражнения, потом завтрак.

Я разрывалась между желанием поскорее сбежать отсюда как можно дальше и остаться и убить здесь всех. Все люди были злыми, бесчеловечными и жестокими.

“Даже он?”

Мнение о нем было противоречивым. Безусловно, я его боюсь его и повинуюсь лишь из-за страха. Но мне нравилось то, что он со мной делает, что заставляет чувствовать. Я ненавижу себя за это, но стоит признаться в этом хотя бы себе.

“Какая дура. Ты и впрямь как сучка на поводке”.

Находиться целый день наедине с собой без никаких развлечений – непростое испытание. Из-за этого я тоже ждала встречи с ним. Так я могла хоть с кем-то поговорить.

Однако, если мне подвернется шанс, я должна буду убить и его, без колебаний.

Сегодня меня забрали снова только после ужина. Мой мужчина такой занятой. И как у него остаются силы на меня?

Когда меня завели в душ и сняли повязку, я начала раздеваться, но остановилась, заметив, что в душе уже кто-то есть.

– Давай уже, сколько можно, – рявкнула женщина.

Из душа вышла Эмилия. Я застыла на месте, уставившись на нее. Бледное как привидение, глаза потухшие, взгляд устремлен в никуда. С губ вместе с водой стекала кровь, на скуле красовался синяк. Когда я опустила глаза, я ужаснулась: все тело было покрыто синяками и ссадинами.

“Что они с тобой сделали, Эми?!”

– Ну же, шевелитесь!

Эми посмотрела на меня и снова опустила глаза. Она быстро оделась и ее увели. Я встала под горячую воду, все мое тело дрожало. Сколько всего она натерпелась? Чувство

вины вновь обрушилось на меня. Ведь это из-за меня она оказалась здесь.

– Давай быстрее, – услышала я через двадцать минут. Черт, я даже не начала мыться. Я сполоснулась и вышла, пока на меня снова не наорали.

Через несколько минут я уже лежала, прикованная к кровати.

– Что ты будешь просить сегодня, Софи? – спросил он, проводя тыльной стороной ладони по моей щеке.

– Пожалуйста, не отдавай меня никому, – с отчаянием в голосе произношу я.

Он ответил не сразу. Конечно, не этого он ожидал услышать.

– Ты знаешь, что для этого нужно делать.

– Что? Не понимаю.

– Ты будешь моей, пока не надоешь мне.

– Не очень обнадеживающий ответ.

Он отстегнул мои руки от кровати и потянул к себе.

– Иди сюда, – он перекинул через себя одну ногу и я уже сидела у него на коленях. Мои скованные наручниками руки он завел себе за спину. На нем уже не было одежды. – Я не буду давать тебе надежду, Софи. Не хочу, – его руки сжимали мою грудь, играя с сосками, а губы покрывали поцелуями шею.

– Почему? – я начала терять нить разговора.

– Мне приятно думать, что каждый раз ты с замиранием

сердца молишься про себя, чтобы это был я. Скажи мне, Софи, скажи, что ждешь меня, – его пальцы скользнули внутрь меня и начали ритмично двигаться.

– Да, – простонала я, впиваясь ногтями в его спину.

Другая его рука поднялась к моему лицу. Он провел большим пальцем по моим губам. Я слегка коснулась его языком, затем обхватила губами и начала посасывать. Он издал низкий стон, его член упирался в мои ягодицы.

“Надолго ли тебя хватит?”

Я расплылась в экстазе от того, что творили со мной его пальцы. Он терпеливо ждал, пока я пыталась отдышаться, положив голову ему на плечо. Аромат его тела дурманил мою голову. Мне было недостаточно его пальцев, я хотела еще.

Я слабо укусила его за шею, затем принялась посасывать укушенное место. Он мягко потянул меня за волосы.

– Эй, не хватало засоса на шее.

– Извини, – я потянулась к нему лицом и нашла его губы. Жаркие, голодные и требовательные поцелуи заводили меня еще сильнее. Я прильнула к нему всем телом и медленно терлась грудью о его грудь.

– Решила меня подразнить? – проговорил он рвано. – Запомни: не ты трахаешь меня, а я тебя. – Он убрал мои руки из-за своей спины. – Покажи мне, как сильно этого хочешь.

– Чего именно? – не понимала я.

– Быть только моей, – он скользнул подо мной чуть наверх и, кажется, лег на спину. Он положил мои ладони на свой

член, который был твердым, как камень. Я наклонилась вперед и обхватила его губами. В этот раз мне даже нравилось это делать.

“Сучка на поводке”.

Я отключила голос разума, понимая, что окончательно и бесповоротно капитулировала.

Туман похоти исчез из головы, только когда я лежала одна в своей комнате. Только сейчас я вспомнила про Эми. Какая дура, совсем голову потеряла. Да что со мной происходит?

– Эми?

Тишина.

– Эми, пожалуйста, ответь. Я знаю, что ты там.

– Чего тебе? – подала она голос через пару секунд.

– Ты... ты как? – какой глупый вопрос.

– Сама то как думаешь?

– Эми, мне так жаль, – я не нахожу больше слов. Да и разве словами тут поможешь?

– Мне твоя жалость ни к чему, – грубо отрезала она. – А ты хорошо выглядишь, – добавила она, усмехнувшись.

Я молчала. Безусловно, она права. Ей достается гораздо больше, чем мне. Я не знаю, чем заслужила такую “благодарность”, но была очень благодарна этому и молилась, чтобы так было и дальше.

“Пока не сбежишь, если еще не передумала”.

– Мари сказала, что ты здесь хорошо устроилась, – про-

должала она. – Один человек за день. Кажется, кто-то завел себе любимчика, и не собирается делиться тобой.

– Что ты несешь? – только ее осуждения мне не хватало.

– Это слова Марии. Не думаю, что она врала, – говорит она равнодушным тоном.

– Эми...

– Нет, молчи. Не оправдывайся. Я знаю, это не наш выбор, и я тебя не осуждаю. Потому что это уже не важно.

– О чем ты говоришь?

– Скоро все закончится, – тихо произнесла Эми.

– Ты что-то задумала? – я даже привстала на коленях и прислонилась к стене всем телом.

Эми молчала. Нет, нет. Она что-то знает? Планирует сбежать? Кто-то ей поможет? В последнем я очень сомневалась, здесь у таких, как мы, нет друзей.

– Эми, пожалуйста, скажи мне.

Молчание.

Черт! Но ведь я тоже хотела сбежать и не делилась с ней своими планами по этому поводу. Так почему она должна рассказывать мне свои? Если у нее получится, то у меня точно нет, поэтому надо бежать вместе. Освобождение для одной – смерть для другой, пусть и не мгновенная. Я задумалась об этом только сейчас. Мне стало немного стыдно.

– Эми, если ты планируешь бежать... – не успеваю я договорить, как она разразилась диким хохотом.

– Бежать? Seriously, Софи? Отсюда нельзя сбежать и ты

прекрасно это знаешь.

– Но что тогда?

– Не забивай этим свою голову. Лучше подумай о том, как будешь ублажать завтра своего хозяина.

Ее слова терзают мою душу, заставляя сильнее испытывать вину. Может, ей и удастся освободиться. Я буду рада за нее, правда. Это было бы неким освобождением и для меня, ведь она перестала бы страдать.

– Что бы ты не задумала, Эми, удачи тебе, – шепчу я, сползая на кровать.

– Тебе тоже, Софи. Тебе тоже

Кажется, она плакала.

Глава 7

Я сидела на берегу реки и наблюдала за звездами. Была уже ночь, но свет полной луны озарял все вокруг, пуская блики на поверхность темной воды. Я чувствовала полное умиротворение, прислушиваясь к хорошу листьев и плескам воды. Домик у озера – это была моя маленькая мечта. *Наша мечта*. Я не видела Филиппа, но знала, что он здесь. Сейчас все именно так, как и должно быть.

Я ложусь на траву и закрываю глаза. Полное умиротворение. Душевный покой. Все так прекрасно, что начинает казаться нереальным.

Когда человек понимает, что он всего лишь видит сон?

Ко мне кто-то подошел, но я даже не открываю глаза, боясь увидеть свой очередной кошмар, картинку, навсегда за-

печатленные в моей памяти.

– Что же ты делаешь, малышка? – отец проводит рукой по моим волосам. – Тебе нужно спастись.

– Мое единственное спасение – это мой брат.

– А ты уверена, что он хочет, чтобы его нашли?

– Конечно.

– Мне жаль, милая, но отсюда я вижу все.

Я открываю глаза. Отец сидит рядом со мной целый и невредимый, в чистой одежде, без дырок от пуль и кровавых пятен. Пока я его разглядывала, он мягко улыбался, но взгляд был полон печали.

– Нет, ты не прав. Он нужен мне, как и я ему.

Он лишь покачал головой.

– Ты умер, отец, а Фил жив. Жив и ждет меня, – смысл сказанных мною слов доходит до меня слишком поздно.

– Ты права, я уже мертв, – отец поднял голову и начал разглядывать звезды. – Но ты еще жива. Поэтому тебе надо бежать.

Я проснулась очень поздно, мне уже успели принести завтрак. Неудивительно, ведь я долго не могла заснуть, все думала о словах Эмилии. Много думала, но ни к чему не пришла. Слишком долго находиться наедине с собой – утомительно и вредно для здоровья. Нужно хоть как-то отдыхать от собственных мыслей.

Я позавтракала и принялась отрабатывать удары. Это было хорошим упражнением от лишних мыслей в голове. А ес-

ли представлять, что я разбиваю лицо Марии, то вообще супер.

После обеда я услышала, как пришли за Эми. Сразу после того, как ее увели, я прижалась всем телом к двери и слушала, ждала, что что-то произойдет. Но было тихо. Только через двадцать минут послышались чьи-то шаги. Они точно шли сюда. Я быстро побежала к кровати и села.

“Теперь они пришли за тобой”.

Дверь открылась, в комнату зашла Мари. Я замерла в ожидании приговора.

– Чего уставилась? Лицом к стене, руки за спину, – бросила она мне. Выглядела она как обычно. Как обычно грубой, высокомерной и нетерпеливой.

Куда она меня уведет?

– София, не заставляй меня ждать, – произносит она сурово.

Я повернулась к ней спиной. Она надела не меня наручники и завязала глаза. Я шла медленнее обычного, ноги совсем не слушались. Мне казалось, что меня ведут на расстрел. Но пока что маршрут был обычный.

Мы зашли в душ, мне освободили руки и развязали глаза. Как и вчера, мы были не одни.

– Чего так долго? – спросила вторую женщину Мария, затем обратилась ко мне. – Раздевайся.

– Не знаю, что-то она там застряла, – ответила ей та, имя которой нам до сих пор не удосужились сказать. – Иди, по-

торопи ее, – сказала она уже мне.

Я сняла тапочки и зашагала в сторону душевой кабинки. Когда я подошла к ней вплотную, я увидела, как Эми сидит, прислонившись к стене. Вниз стекала красная вода. Что за черт? Я наклонилась и потрясла ее за плечо. Она не шевелилась. Я хочу кричать, но могу лишь выдать из себя ее имя.

– Эми, – я взяла руками ее лицо и повернула к себе. Когда я увидела лицо подруги, кровь застыла в жилах. Ее потухшие глаза уставились в пустоту.

Я отскочила от нее, будто меня ударило током.

Может я все еще сплю? Да, конечно, сейчас я проснусь и выдохну с облегчением.

“Но ты сегодня уже просыпалась”.

– Нет, нет, Эми что ты натворила, – шепчу я севшим голосом. По щекам потекли слезы.

Кто-то отгаскивает меня к другой стене и держит обеими руками.

– Что там?

– Твою мать! – она наклонилась к телу и потрясла его, будто это был мешок картошки. – Кажется, вены вскрыла. Лезвием бритвы, – она подняла что-то с пола.

– Блять, этого еще не хватало.

Я смотрю на безжизненное лицо Эмили, и в памяти начинают всплывать другие ужасные картинки из прошлого.

Мама лежит неподвижно в неестественной позе, ее застывшие глаза глядят в небо, одежда и испачканы кровью.

“Софи, беги”.

Отец падает на колени, хватаясь за грудь. Его одежда стремительно приобретает темно красный цвет.

“Спасайся, милая”.

Мужчина со шрамом на лице и темными, почти черными глазами падает на землю. Из его рта идет кровь. Его последние слова – это проклятия в мой адрес.

“Ты будешь следующей”.

А теперь Эми, с которой я познакомилась только две недели назад, лежит в луже собственной крови.

“Чего же ты стоишь?!”

Это я виновата. Почему все вокруг меня умирают?

В ушах звенит, сердце бьется с бешеным ритмом.

Сейчас или никогда.

Один сильный и резкий удар локтем, и Мария, ударившись затылком об стену, падает на пол. Из крана все еще текла вода, поэтому вторая женщина, сидевшая в это время к нам спиной, не обратила внимания на нас. Я добралась до нее в два шага и ударила коленом по голове. Она повалилась на пол рядом с телом Эми.

Я выбегаю из душа и оглядываюсь по сторонам. Узкие коридоры с серыми бетонными стенами освещал тусклый свет ламп на потолке. Куда бежать?

“Два поворота налево, один направо или найди лестницу, ведущую вниз”.

Я бегу, молясь, чтобы меня никто не увидел. Я была босая,

и, надеюсь, не издавала никакого шума.

Пока я бежала в сторону комнаты, мне никто не попался в коридоре.

“Куда дальше? Ну же, вспоминай!”

Я нашла лестницу и рванула вниз. Не помню, чтобы когда-нибудь так быстро бежала. Я не чувствовала ног и вообще всего тела, а перед глазами все еще было лицо Эмилии.

Я уже добежала до первого этажа, как услышала чьи-то голоса. Я прильнула к стене. Чувствую, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Они шли сюда. Руки тянутся к шее к крестик, которого у меня уже нет.

“Господи, услышь меня. Помоги мне, умоляю тебя”.

Двое мужчин выходят из поворота на широкую лестничную площадку. Они, не замечая меня, проходят в каких-то двух метрах от меня. Я перестаю дышать. Когда они проходят немного вперед, я медленно скольжу в сторону прохода, боясь, что они могут услышать, как стучит мое сердце. Каким-то чудом мне удается ускользнуть от них незамеченной.

Пустые коридоры такие тихие, будто здание совсем пустовало. Оглядываясь по сторонам, иду в неизвестном направлении, вздрагивая от любого шороха. Надо скорее найти выход.

Когда я замечаю дверь, ведущую на улицу, я бегу к ней со всех ног. Я собиралась его открыть, но кто-то дернул его с другой стороны. Сердце упало в пятки. Прятаться было некуда.

Дверь открылась и передо мной появился молодой человек, на вид старше меня, но не на много. Он был в той же форме, что носили здесь остальные. Меня же выдавала моя специальная форма для заключенной. Он изучал мое лицо, и чем дольше смотрел, тем шире становились его глаза. Он выглядел удивленным и только. Никакой враждебности или презрения, хотя было очевидно, что он понял, кто я такая.

После долгих гляделок я собрала в кулак всю оставшуюся храбрость и шагнула вперед. Где-то в конце коридора началась суматоха. Я была уверена, что искали меня.

– Пусти, – твердо говорю я.

Парень отступил назад и я перешагнула через порог. На улице шел мелкий дождь. В лицо ударил приятный прохладный ветер. Последним, что я видела, было серое пасмурное небо.

Глава 8

– Просыпайся уже, дрянь!

Сильная пощечина окончательно приводит в чувства. Я открываю глаза и не понимаю, почему ничего не вижу. Только потом до меня доходит, что мне завязали глаза. Руки прикованы наручниками сзади, ноги также были связаны. И на мне уже не было одежды.

Я попыталась сесть.

– Куда собралась, – Мария одним ударом в грудь вновь повалила меня на кровать. – Лежи и не дергайся, маленькая сучка. Ты мне еще ответишь за разбитый нос. Если оста-

нешься живой, – последние слова она произнесла с нескрываемым удовольствием.

Хлопнула дверь и сразу же послышались голоса.

– Почему так долго? – голос был женский, мне не знакомый.

– Простите, вышло небольшое недоразумение, – это говорила Мария. – Она пыталась бежать.

– Две взрослые женщины с оружием в руках не могут справиться с детьми?

– Я бы ее пристрелила на месте, если бы мне не приказали ее не трогать.

– Есть еще что-то, о чем мне нужно знать?

– Нет, – без колебаний ответила Мари.

А как же Эми? Сучка даже про нее не заикнулась.

– Хорошо, ступай.

Они ушли. Несколько минут я лежала в полной тишине, затем снова попыталась сесть. Голова болела, особенно сильно ныл затылок. Я опустила голову на колени.

Теперь они точно убьют меня.

– Я не хочу умирать, – еле слышно прошептала я. – Господи помоги мне, – из глаз потекли слезы.

“Кому ты нужна?”

Дверь вновь открылась. Тяжелые уверенные шаги не предвещали ничего хорошего. Это был он, сомнений не было. Я начала узнавать его уже по шагам.

– Какая же ты дрянь! – он потянул мои волосы так, что я

подняла лицо вверх, затем обхватил мою шею одной рукой и сжал ее. – Вот как ты меня благодаришь за мою благосклонность к тебе?

Какая к черту благосклонность?! Он держит меня в плену, лишил нормальной жизни, пользуется мной, как хочет. За это я должна сказать спасибо?

Но спорить я не могла. Я не могла даже дышать.

– Лицемерная сука! Кричала и кусалась, строила из себя недотрогу, затем раздвигала ноги, умоляя меня трахать тебя сильнее. Тебе было не так отвратительно, когда ты вчера прыгала на моих коленях? – он сильнее сжал свою руку. – А что сейчас? Куда ты, мать твою, пыталась бежать? Думаешь, найдешь место лучше, чем здесь? Я покажу, где твое место, мелкая потаскушка. Но перед этим, – он одним движением развернул меня. Я уперлась головой в кровать. Руки были за спиной, я не могла ни на что опереться. Если бы он не держал меня, я бы, наверно, повалилась на бок. Я услышала, как он расстегивал ремень.

– Нет, не надо, – мои всхлипы перешли на сдавленные рыдания. Но разве я могла его остановить? Сейчас он был чертовски зол.

Он ударил меня ремнем. Это было настолько больно, что я закричала во весь голос. Кожа на ягодицах просто горела. Я чувствовала каждый миллиметр, по которому прошелся его ремень.

– Воспитательные моменты, – только сейчас он договорил

свою мысль и ударил еще раз.

Как же это больно!

– Не надо, пожалуйста, – я задыхалась от собственных слез.

– Ты сегодня не заслужила что-либо просить, – он развязал мои ноги и раздвинул их.

– Умоляю, перестань, – я пыталась освободиться из его лап, но все тщетно.

– Замолчи.

Он вошел, когда я не была готова, и трахал меня жестко и грубо, каждым своим движением нарочно причиняя боль.

Скажите мне, что секс – это чисто физиология, и я хорошенько врежу вам. Потому что это все было в голове. Еще вчера его грубость и настойчивость возбуждали меня, а сегодня это было... зверством, какой-то дикостью. Ведь люди так не поступают.

Он игнорировал все мои мольбы и лишь брал меня сильнее, всю без остатка.

Когда он, наконец, закончил, он ушел, не сказав ни слова. Я без сил повалилась на кровать. Чувствую себя полностью опустошенной.

“Ты снова стала ничем”.

В комнату вошла Мария. Откуда я знаю? Эта сука не умела держать при себе свое сраное мнение. Она была безумно довольна тем, в каком состоянии меня видела. Накинув на меня лишь тонкое одеяло, она повела меня в неизвестном

направлении.

Мы остановились, она открыла какую-то дверь и толкнула меня в нее. Я врезалась в стену.

– Наслаждайся, – последнее, что я услышала от Марии.

Она не сняла наручники и повязку, но оставила меня совершенно голой, забрав одеяло.

Я прислонилась к стене и сползла на пол. Попыталась вынести руки снизу через ноги и расцарапала и так горящую от боли кожу ягодиц. Но после некоторых попыток мне все же это удалось. Я стянула повязку с глаз и... ничего. Абсолютная тьма. Я встала, сделала буквально два шага и ударилась об стену. Это что, каморка для швабр?

Я снова сажусь на пол в диком отчаянии. Мне отсюда не выбраться, я больше не могу сдерживать поток мыслей и воспоминаний. Все, что произошло за последнее время, свалилось на меня разом. Я тонула в собственной боли и никто меня не спасет.

Я свернулась клубком на полу и разрыдалась уже в который раз за день. Темнота душила меня, в груди катастрофически не хватало воздуха. Что же будет дальше? Меня точно не выпустят. Странно, что сразу не убили. Но ведь это было бы слишком просто, правда? Кто-то так заморочился из-за меня.

А что с Эми? Они ведь даже не похоронят ее.

Еще одна смерть на моих руках. Моя душа разрывается. Я ведь умру здесь, но так и не встречу родителей. Мне дорога

прямоком в ад. Хотя о чем это я, мы все уже давно в аду.

Теперь у меня куча времени на подобные размышления. Я сама себе истерзаю сердце и душу – вот моя смерть.

Не знаю, сколько времени проходит, но в какой-то момент я, наконец-то, засыпаю.

– Софи, посмотри на меня, – Эми держит мое лицо обеими руками. – Посмотри, что ты наделала.

– Прости меня, Эми, пожалуйста, прости, – умоляла я ее, стоя на коленях.

– Кому нужны твои слова. Мне уже ничем не поможешь! – она смотрела на меня стеклянными безжизненными глазами.

Я просыпаюсь в крошечной тьме. Хотела потянуться, но ударила головой и ногами об стену. Твою ж мать! Я все еще заперта в кладовке. Была маленькая надежда на то, что это был всего лишь кошмар. Но надо признать, что вся моя жизнь с недавних пор стала одним кошмаром.

Что теперь делать? Я точно сойду с ума от собственных мыслей. Наверно, я это заслужила. Бог покинул меня, а, может, никогда и не был со мной. Я всю жизнь старалась поступать правильно и делать добро, помогать людям. Но сейчас не могу припомнить ни одного долбанного раза. Перед глазами снова возник образ мужчины со шрамом, валявшемся на земле без признаков жизни.

Две-три недели назад я была в одной деревне. Это было достаточно далеко отсюда. Деревня находилась в лесной глуши, и, наверно, поэтому там не было военных. Тихое спо-

койное место, где жили пока что свободные люди. Даже не верилось, что остались такие места.

Мне нужна была медицинская помощь. Когда я спросила у людей, кто может мне помочь, меня отправили к одной женщине, которая симпровизировала госпиталь у себя дома и, как оказалось, помогала беженцам, оказавшимся в лесу. Ее звали Анна. Она была маленькой, на вид очень хрупкой женщиной, но я знала, что, чтобы делать такое дело, нужно иметь большое сердце и быть сильной духом. Вот кто действительно всю свою жизнь помогал людям.

Когда я к ней пришла, она обработала рану на моей ноге (я упала в яму, когда убегала от погони), накормила меня и разрешила остаться на пару дней. От этой женщины веяло материнским теплом, которого мне очень не хватало.

Анна рассказывала о своей жизни, и я в тайне мечтала сбежать в подобное место, как только закончу свое дело. Мои идеи она называла безумными, но совсем не осуждала.

– Если это то, что заставляет тебя вставать по утрам, тогда не отступай, – сказала она мне.

В тот день, когда я собиралась уходить, она вызвалась проводить меня. Мы вышли на дорогу и расстались, пожелав друг другу удачи. Пройдя какое-то расстояние, я заметила машину, в которой никого не было.

“Если здесь кто-то ходит, то он может увидеть Анну”, – подумала я и рванула назад.

Вдалеке я увидела, как Анна стояла, прижавшись спиной

к дереву, а перед ней стоял мужчина. Я окликнула его, и он повернулся ко мне. Правую половину его лица украшал большой шрам, а глаза были настолько темными, что казались черными. Весь его вид говорил, что от него не стоит ждать ничего хорошего. В одной руке он держал винтовку, которую накинул на плечо. На лице Анны был написан ужас.

– Отстань от нее, – твердо сказала я.

– Знаешь, с кем ты говоришь? – бросил он мне.

– А мне плевать. Отпусти ее.

Он направил дуло винтовки на Анну. Я достала из-за пояса брюк пистолет, сняла с предохранителя и выстрелила три раза. Все это я сделала настолько быстро, просто на автомате, что не сразу поняла, что натворила. Мужчина повалился на землю.

– Маленькая мразь, – он схватился за раны на животе. Из его рта пошла кровь. – Сдохни, долбанная сука, – его рука потянулась к его оружию, которое упало рядом, но остановилось всего в нескольких сантиметрах. – Паскуда, – он перевернулся на спину и через считанные секунды перестал шевелиться.

Анна с ужасом смотрела на меня. Я смотрела то на нее, то на труп мужчины. Мое тело оцепенело, я будто приросла к земле. Анна продолжала молча таращиться на меня. Она боялась меня?

Я кое-как заставила себя сдвинуться с места, и ушла прочь, не имея ни малейшего понятия, куда я иду.

Я убила человека. Точнее спасла жизнь одного, но ценой жизни второго. Один поступок совсем не оправдывал другого. Я совсем не жалела того человека, дело было вовсе не в этом. Я стала убийцей.

Родители говорили, что больше всего хотят того, чтобы мы с Филом никогда не узнали войны. Но они знали, что это неизбежно, поэтому нас к нему готовили.

“Убийство человека – крайность. Это грех, раскалывающий и извращающий душу. Однако нужно признать: придет время сделать этот непростой выбор, нажать на курок. Я ни в коем случае не говорю, что этот выбор правильный. Но, к сожалению, если вы хотите выжить, он будет единственным. Что я могу вам сказать? Будет трудно, потому что я знаю, что вы хорошие люди, знающие, что такое человечность и сожаление. Поэтому вместо того, чтобы терзать себя, подумайте о том, сколько жизней вы этим спасете”, – рассказывал нам отец. Мне хотелось верить в его слова, но они никак не утешали. Кровь на моих руках уже ничем не отмоешь.

Все произошедшее легло на мои хрупкие плечи тяжелым грузом и тянуло меня ко дну. Я умру здесь, умру никем, и никто об этом не узнает. Никто не будет искать, потому что я никому не нужна. Даже мысли о брате не спасали меня. Вся моя авантюра казалась бессмысленной, недостижимой затеей. Я просто оттягивала неизбежное: меня нашли бы дома или в любом другом месте и итог был бы один – смерть. А ведь мне всего восемнадцать лет.

О чем мечтают девушки в моем возрасте? Наверно, о любви. А что я о ней знаю? Ничего. Мой единственный мужчина оказался тираном и причиной моей боли. Физической боли. Я снова ненавидела его, желание придушить его вернулось в десятикратном размере. Подонок, убежденный в том, что я должна лежать у его ног, повинуюсь всем его приказам. Если бы в нем было что-то человеческое, он бы меня уже отпустил. Почему я так быстро сдалась ему? Дело ведь было только в страхе?

Время тянулось неимоверно долго. Я не знала, день сейчас или ночь. По ощущениям, я находилась здесь уже больше суток, но я не была уверена. Было душно, вспотевшая кожа неприятно прилипала друг к другу. Мне хотелось пить.

Я засыпала и просыпалась вновь, не понимая, что сон, а что реальность. Я могла продержаться так около недели, но какая это будет неделя.

“Голодная смерть – это мучительно и долго”.

– Что ж, ты был прав, ублюдок.

Я привстала и начала барабанить дверь, но никто не приходил. За все время я вообще ничего не слышала. Были ли здесь вообще люди?

– Откройте! Выпустите меня!

Безысходность положения лишала меня всяких сил. Я скользнула вниз и вновь легла на пол.

– Пожалуйста, выпустите меня, – по щекам покатились слезы. Я потянулась коленями к груди и обхватила их рука-

ми. Тишину нарушали только мои всхлипы.

Кажется, я снова уснула. Мне снился чудной сон. Была ночь и кромешная тьма. Я лежала на каких-то камнях и чувствовала приближение неизбежного. Ко мне кто-то подошел сзади и схватил костлявой рукой за горло. Это была Смерть. Я чувствовала всем телом прохладу, исходящую от нее.

– Еще жива, – сказала она непонятным тоном. Это был вопрос или утверждение?

Прогремел гром и послышались голоса.

– Пусть полежит еще денек, ничего не будет.

– Почему вообще ее до сих пор не убили?

– Кто-то завел себе любимчика и не собирается делиться со своей игрушкой.

– Думаешь?

– Нет, просто из нее получилась настолько ужасная шлюха, что в день к ней приходил только один человек.

– Получается, тех двух привезли для остальных?

– Ага.

Голоса стихи. Земля подо мной задрожала и я начала падать в пустоту.

Глава 9

– София, ты меня слышишь?

Я открываю глаза. Рядом со мной на полу сидит девушка, которая приходила осматривать меня во второй вечер пребывания здесь. Она выглядела встревоженной. От яркого света, который заходил из коридора, болели глаза.

– На выпей, – она подносит горлышко бутылки к моим губам. Я потянулась к ней руками и обнаружила, что наручников уже не было. Я с дикой жадностью поглощала каждую каплю и опустошила всю бутылку за несколько секунд.

– Давай одевайся, – она протянула мне мою одежду.

Я с трудом села. Все эти дни я почти не двигалась, поэтому тело меня слабо слушалось. Девушка помогла мне одеться.

– Идти можешь?

Я отрицательно покачала головой.

– Я тебе помогу.

Она потянула меня вверх за руки и мы вышли из моей клетки в коридор и я с удивлением обнаружила, что моя комната находится совсем рядом. Мы направились туда. Идти было нелегко, я чувствовала себя такой слабой. Наверно сейчас мое внутреннее состояние полностью отражалось на моем внешнем виде.

Девушка помогла добраться мне до кровати и сесть.

– София, скажи мне что-нибудь.

– Сколько дней прошло? – шепотом спросила я. Мой собственный голос показался мне каким-то далеким и чужим.

– Три, – ее голубые глаза были полны жалостью.

– Как тебя зовут?

– Ариана.

– Красивое имя, – все так же шепотом говорила я.

– Сейчас тебе принесут еду. Не ешь все сразу. В душ пойдешь завтра, вряд ли у тебя есть на это силы. Ну все, отды-

хай, – она уходит.

Никогда еда не казалась мне такой вкусной. Я ела медленно, стараясь запечатлеть вкус каждого кусочка. Затем я легла на кровать и уставилась в окно. На улице уже темнело. Я все еще ощущала прохладный ветер и капельки дождя на лице. Почему меня так быстро схватили? Я же слышала голоса и они были далеко. Я должна была успеть пробежать хотя бы пару десятков метров.

Я встала и пошла к крану с водой, умыла лицо, руки и шею. Всю грязь на своем теле я чувствовала так, будто меня измазали глиной. Завтра меня отведут в душ, а это значит, что все начнется по новой. И к кому меня отведут? Придет ли он ко мне или посчитает, что это для него низко? Я не хочу его видеть, боюсь того, что он со мной сделает. Вообще никого не хочу видеть.

“Поэтому тебе завязывают глаза”.

В эту ночь я спала спокойно, мне совсем ничего не снилось впервые за последнее время. На следующий день я уже чувствовала себя лучше, но никто за мной не пришел. Целый день прошел в ожидании неизвестно чего. Я ходила туда-сюда по комнате и ждала что меня отведут на порку или пустят по рукам и доведут до состояния Эми, или же снова где-нибудь запрут. Но ничего не случилось, день прошел мимо меня.

В соседней комнате за стеной явно кто-то был, но я не пыталась поговорить или подать какой-то знак о своем присут-

ствии. Лучше не привязываться к людям, ведь я все равно их теряю, и теряю самым ужасным образом.

На следующий день ко мне пришла Мария со второй женщиной. Весь их вид кричал о том, что они хотят меня прибить. Кроме всего обычного они надели на мои ноги что-то вроде кандалов (может это и были кандалы), и не сняли их даже когда я мылась.

Мылась я довольно долго, потому что пыталась смыть не только грязь, но и всю тяжесть и боль последних дней. После душа я чувствовала приятное очищение, однако, когда меня оставили одну, страх вновь вернулся. Я с ужасом ждала того, что сейчас произойдет. Ожидание было долгим, кто-то явно запаздывал. А, может, так было запланировано? Глупость какая.

Кто-то зашел и подошел ко мне. Он отстегнул мои руки от кровати, помог мне сесть и завязал узлом на шее уголки ткани, которая прикрывала мое тело, так, что она не спадала. Зачем?

Я прижалась коленями к груди, а он удерживал мои руки рядом со ступнями.

– Снова ты?

Удивительно, каким странным образом я его узнавала. Аромат его кожи сейчас я могла бы отличить от сотни других.

– Меня все беспокоит вопрос, кого же ты здесь ждешь кроме меня? – его голос был спокойным.

– Никого, – тихо отвечаю я. – И тебя в том числе, – еще тише добавляю я.

– Что же мне с тобой делать, Софи?

Он не прикасался ко мне. Даже мои руки он удерживал, хватаясь только за цепь наручников.

– Прости меня. А лучше... лучше убей прямо сейчас, – я готова сейчас разрыдаться.

– Ты не понимаешь, что говоришь. Последние пару дней не пошли тебе на пользу, – сказал он разочарованно.

– Нет, это ты не понимаешь. Она умерла из-за меня. Из-за меня! Я не смогла ей помочь ни тогда, когда нас схватили, ни сейчас. А должна была. Должна была, – не выдержав, я расплакалась.

– Ты слишком много на себя берешь, Софи, – его тон сменился на более мягкий.

– Нет. Эми была со мной, потому что помогала мне, потому что я ее попросила, – слова прерывались жалкими всхлипами.

– В любом случае, это был ее выбор.

– Ужасный выбор, погубивший ее собственную жизнь. Подобно тому выбору, который сделала я: послушалась рподителей и спряталась, пока их убивали. Я видела... видела, как выстрелили в папу, – слова лились из меня, будто дамбу прорвало. – Я видела, как пули прошли сквозь него, как он падал на колени, как его одежда пропитывалась кровью. Когда я подошла к ним, мама уже была мертва. И ее лицо, ее

застывшие глаза снятся мне каждую ночь. Отец умер на моих руках. Все, что осталось от них, был маленький крестик, который папа носил всю свою жизнь. Его отняли у меня на границе и выбросили. Все, что осталось, – я положила голову на колени и громко разрыдалась как маленький ребенок.

– Ну все, перестань, – он взял мое лицо руками и вытер капившиеся по щекам слезы, которые уже не впитывала ткань повязки. – Многие теряют близких на войне, Софи. Не стоит винить себя. Твои родители сделали то, что сделали бы и остальные: они спасли своего ребенка.

– А я не хотела, чтобы они меня спасали. Мне нужно было, чтобы спаслись они сами.

– Прошлое не вернуть. И теперь ты знаешь, чего стоит твоя жизнь. Тебе следовало беречь ее, а не заявляться сюда с настолько глупой мыслью, что сможешь одна одолеть всех.

– Что? Откуда ты...

– Твоя, подруга была довольна болтлива, – ответил он, не дав мне договорить.

Вот черт. Хорошо, что я ничего не рассказала Эмилиии про свою семью.

– Я была так зла. Убивают невинных людей просто так, ни за что. Почему? Это же бессмысленно!

– Это война, и в ней погибнут многие, если не все. И ты прекрасно это понимаешь. Ты сама пришла сюда убивать, ведь так?

– Месть была бы моим искуплением, – признаюсь я.

– Не думаю, что тебе стало бы от этого легче.

– А что мне было делать? – спрашиваю я с отчаянием.

– Это уже не важно. Смотри, куда тебя это привело.

– И что ты собираешься делать? Убьешь меня? Впрочем, мне все равно. Убивай.

– Я не хочу тебя убивать, – он гладил меня по волосам.

– Но ты ведь и не отпустишь меня?

– Не знаю. Может да, а может нет. Но получив свое освобождение, тебе не станет лучше. В данном случае свобода равна рабству. Не воспринимай себя как мучительницу или пленницу.

– Но так и есть, – возражаю я его бессмысленным доводам.

– Относись к ситуации проще. Тебе это понравится, если ты захочешь, – он проводит пальцем по моим губам. – Я не твой спаситель, Софи.

– Кто же ты?

– Здесь я твой бог. Молись мне, проси, чего хочешь, не зли меня, не болтай лишнего, слушайся меня и не говори “нет”.

– Ты ненормальный, – шепчу я. – Просто сумашедший.

– Возможно. А у тебя нет выбора, – он накрыл мои губы своими. Его жадный и требовательный поцелуй лишь сильнее подтверждал его слова. Он был точно голодный зверь, который набросился на свою добычу. Бесцеремонно отыгивая меня своим языком, он отстранился. Его руки все еще держали мое лицо.

– В следующий раз, когда попытаешься сбежать, тебя при-

стрелят на месте. А ты не хочешь умирать, я тебе не верю. Так что не делай глупостей, Софи, – он встал с кровати.

– Уже уходишь? – спрашиваю я удивленно.

– Да.

– Почему?

– Ты сбила мне весь настрой своими откровениями.

– Извини, – понимаю, что некоторые слова были лишними.

– Приведи себя в порядок. И обдумай мои слова, – он взял меня за подбородок. – До завтра, – чмокнул в макушку и ушел.

После нашего разговора мне стало немного легче. Мне давно нужно было выговориться, хотя выбрала я явно не того человека. Но я сбросила груз со своей души, пусть и небольшой. Мучившие меня мысли вырвались наружу. Может он и был прав, говоря, что это был не только мой выбор, но и тех, кого я потеряла. Эми сама выбрала смерть, а родители выбрали мою жизнь вместо своих.

Возможно, когда-нибудь я смогу их отпустить и простить себя за это. Теперь у меня времени навалом для подобных размышлений. Мне уже не выбраться отсюда самой, а отпустить меня никто не собирается. Я здесь надолго, а, может, и навсегда.

К тому же, оказалось, что у меня хороший персональный психолог. Но как быстро игрушка надоеет своему хозяину и куда он ее потом выкинет?

“Относись к ситуации проще”.

Другими словами он предложил мне просто смириться. И я смирилась. Я заперла свои воспоминания, мотивы и цели в самом далеком уголке души. Теперь моя жизнь была в руках одного человека. Он и впрямь стал моим богом.

Глава 10

Через два дня после моего душеизлияния, мой мужчина надел на мою шею потерянный крестик отца. Я не могла поверить в то, что он нашел его, нашел для меня и нашел именно его. Но когда мне развязали глаза уже в моей комнате, я увидела его и поняла, что ничем не приметный крест на тонкой черной веревке и вправду был моим, а точнее отцовским. Я была бесконечно благодарна своему безымянному господину, и мое отношение к нему стало весьма неоднозначным.

Наши встречи перестали иметь своей целью только грязный и принудительный секс. Мы встречались так, будто пытались целый день выкрасть именно этот момент. Для меня все было понятно: мне было безумно скучно одной, а с ним я могла поговорить, причем на самые разные темы. Что касается его, то для меня это было некой загадкой. Он как то признался мне, что время, которое он проводит со мной, является его единственным отдыхом. Но я не решалась спросить, чем же таким сложным он здесь занимается. Вообще, тема того, что происходило в этом здании и в поселении в целом, была запретной. Поэтому я решила для себя, что все,

что происходило между нами, остается в нашей спальне комнате. Здесь мы не были врагами, для нас не существовало войны. Были только мы, и нам было очень хорошо вместе.

Как-то я ему рассказала о том, как бегала к соседям воровать малину. Каково же было мое удивление, когда вместе с обычной едой мне стали приносить ягоды. Я понятия не имела, откуда здесь все это доставали, но с того дня мое меню стало гораздо разнообразнее.

Когда я пожаловалась на скуку, мне начали приносить книги и холсты с карандашами. Учитывая мои обычные ежедневные упражнения (тело я старалась держать в форме), занятия на весь день мне были обеспечены. К тому же, наши встречи стали длиться гораздо дольше. Мы много болтали с ним и постоянно спорили. Он говорил мне, что я не принимаю его мнение лишь из-за глупого упрямства. Но что сказать? Он был абсолютно прав. Ругаться с ним в шутку мне нравилось, и потом смеяться до легкой боли в животе тоже.

Он расстегивал мне руки, хотя и удерживал запястья своими руками. А когда он уходил, он обратно укрывал мое тело плащом. Я больше не чувствовала себя пленницей. На мне оставалась лишь долбанная повязка. Сколько я его не просила, он не разрешал ее снимать, и я не могла его послушаться.

Это были самые нездоровые отношения, которые можно представить. Но они были. Я привязывалась к нему, ждала каждую нашу встречу и, конечно же, сходила с ума от того удовольствия, которое он мне доставлял. А еще я чувство-

вала, что ему со мной так же хорошо. Не мог человек просто так уделять мне столько внимания и своего времени. Это было заметно даже по его прикосновениям, таким нежным и ласковым.

Прошел месяц с тех пор, как я попала сюда. Я сидела на кровати после ужина и дочитывала очередную книгу, когда в дверь постучали. Это было странно, потому как ко мне никогда не стучались. Вряд ли это была Мари. Я отложила книгу и с волнением ждала то, что будет дальше. Снова постучались. Я встала и подошла к двери, за которой ничего не было слышно.

– Кто там? – шепотом спрашиваю я.

Через щель под дверью к моим ногам залетела бумажка.

– Что это еще такое? – произношу я уже совсем тихо.

Я услышала шаги, которые вскоре стихли. Значит, ушел? Я нагнулась и подняла согнутый вдвое листок, села на кровать и раскрыла его. Сердце упало в пятки.

– Не может быть! – от волнения я роняю бумажку на пол. Может мне показалось?

Я подняла ее и вновь развернула. Это было письмо. Письмо от моего брата.

"Дорогая Софи,

Я здесь и я спасу тебя. Сегодня ночью империя падет и король будет повержен. Мы уйдем отсюда героями. Объясню все при встрече. Ты, главное, верь мне. Я надеюсь, что ты в хорошей форме. Готовься, будет жарко.

С любовью,

твой Фил

P. S. Уничтожь это".

Я сижу в полнейшем ступоре. Сомнений быть не может, это писал Фил, я узнаю его почерк. Но как? Как он здесь оказался? Как он нашел меня?

Я перечитываю письмо еще несколько раз. Я так счастлива, что мой брат жив и придет за мной.

“А ты точно хочешь уйти?”

Конечно да, что за глупая мысль. Я уже потеряла всякую надежду выбраться отсюда, а идею о поисках брата и вовсе выкинула из головы. Она стала для меня чем-то недостижимым. Но вот он здесь, и он спасет меня! Не знаю, как он поспособствует “падению империи”. Это кажется полнейшим безумием. Но я верю ему и сделаю все, что требуется.

Я еще несколько раз перечитываю письмо и, разорвав его на мелкие кусочки, смываю в унитаз.

Я не могу усидеть на месте. Не могу до конца поверить в реальность происходящего. Но я в восторге, ведь сегодня я наконец выберусь отсюда. Также, я сильно волновалась. Стоит ли мне верить клочку исписанной бумаги? Кто вообще принес ее?

Мария вот-вот придет за мной. Мне ни за что нельзя выдавать себя, а учитывая мое возбужденное состояние, это будет непросто.

– С тобой все в порядке? Ты какая-то взволнованная, – уже через час мы лежали вдвоем на кровати.

Неужели это так заметно?

– Может возбужденной?

– Детка, я ведь даже не начал, – он кусает мочку моего уха.

– Это не ты, а гормоны.

– Чего? – он резко отстранился. Я расхохоталась.

– Удивительно, как мужчины бояться детей. Я говорила о месячных, дурачок, – я все еще тихо посмеивалась.

– Ты же знаешь, я не брезгливый, – он вновь прилег ко мне.

– О да, я помню, – чувствую, как краснеют щеки. Мы делили многое, за что мне было стыдно. Приятно, но стыдно.

– Так ты... все еще пьешь свои таблетки?

– Ага.

Хотела пошутить еще на тему незапланированных детей, но я прикусила язык. Не стоит играть с огнем.

– Ладно, – он рисовал пальцами какие-то узоры на моем теле. – Чем займемся?

– Есть предложения?

– Ты мне скажи.

– Позволь мне тебя коснуться, – шепотом произношу я. Я понимаю, что это наша последняя встреча, и мне хочется взять как можно больше.

– Ладно, – соглашается он.

Он сел и помог мне забраться к нему на колени. Я мед-

ленно потянула руки вперед, пока не прикоснулась к его груди. Мои руки скользили вверх по его шее. Его лицо обросло щетиной. Очерчивая линию его полных губ пальцами, я чувствую, как он улыбается. Кончиками пальцем вожу по его скулам к вискам, большими пальцами вожу по бровям. Его закрытые веки дрожат под моими пальцам. Я запускаю пальцы в его слегка обросшие волосы и тяну к себе. Я целую его щеки, нос, подбородок, глаза и лоб, вожу руками по его широким плечам, груди и прессу, ощущая каждую напрягавшуюся мышцу. Его сердцебиение участилось, а дыхание немного сбилось.

– Дразнишь меня? – спросил он, когда я покусывала кожу на его шее.

– Да. Тебе не нравится? – я поцеловала его в губы. Целовала жадно, забирая себе каждый глоточек воздуха.

“О да милый, сегодня я буду трахать тебя”.

Моя правая рука опустилась вниз и нашла его член. Я начала ласкать его, слушая тихие стоны удовольствия.

– Нравится. Очень, – шепотом произнес он и вновь поцеловал. Внутри все пульсировало от желания так, что не было сил терпеть.

Я приподнялась на коленях и, потеряв головку члена о свои влажные складки, села на него.

– Вот черт.

Я готова была кончить уже сейчас. Что творил со мной этот человек?!

Я медленно скользила на нем вверх-вниз. Его руки до боли сжимали мои бедра, сильнее насаживая на себя. Я кричала от удовольствия, растворялась в нем, отдавала себя полностью. С каждым толчком я была все ближе к вершине и двигалась все быстрее и быстрее. Я громко кончила, вцепившись ногтями в его плечи и расцарапав их до крови. Он кончил вместе со мной. Мы сидели, прижавшись лбами, и пытались отдышаться.

– А кошка любит кусаться и царапаться, – он опустил меня на кровать и прилег рядом.

– А кошка много чего еще любит, – тянусь ближе к нему. – Например, нежиться в объятиях, – я закидываю на него одну ногу.

Он рассмеялся. Мы лежали в тишине несколько минут.

– Ты чего молчишь? – я повернулась на бок и оперлась головой на руку.

– Я думаю.

– Можешь думать вслух, – я медленно тянусь рукой вперед и нахожу его лицо.

– Скажи мне, куда бы ты пошла, если бы могла?

– Не знаю, – честно отвечаю я. Мои планы на будущее заканчивались на том, что я нахожу брата. А куда потом ехать, мне было все равно. – Почему ты спрашиваешь?

– Ты знаешь, что на западе есть места, куда все еще не добрались наши люди?

К чему все эти вопросы?

– Там не осталось таких мест.

– Ты так уверенно об этом говоришь, – он укусил мой палец, которым я водила по его губам.

– Я приехала оттуда, – с печалью в голосе говорю я. А ведь Фил ничего не знает о том, что там случилось.

– Это еще дальше.

– Там же сплошные леса. Разве там живут люди?

– Конечно.

– Странно слышать это от тебя. Я думаю, туда все равно когда-нибудь доберутся.

– Нет, это слишком далеко. К тому же, людей там, наверно, мало, – он взял мою руку в свою и сплел наши пальцы.

– Не понимаю, зачем ты мне это говоришь.

– Тебе стоит направиться туда. Это единственное безопасное место. Но проблема в том, что это очень далеко, и тебя везде могут схватить.

Подождите, что?!

Я одернула руку и присела.

– Что ты хочешь сказать?

Это то, о чем я думаю? Он хочет отпустить меня? Чем еще удивит меня сегодняшней вечер?

– Софи, детка, ты же не думаешь, что будешь здесь вечно, – он провел руками по моим волосам.

– Хочешь... отпустить меня? – еле выдавливаю из себя слова и не могу поверить в то, что говорю.

– Да. Только не знаю, каким образом лучше это сделать, –

он берет мое лицо своими руками.

Не знаю, что и сказать. Если бы не письмо от брата, я бы безумно обрадовалась. Но что это меняет? А то, что сегодня, возможно, его убьют. Если письмо – не моя больная фантазия, а слова брата не пустые звуки, то сегодня здесь всех убьют. В том числе и *его*. Если бы не эти слова и разные мелочи, говорящие о том, что я для него важна, что он вовсе не такой, каким здесь были остальные, мне было бы все равно. Но это не так. Идет война, а мы были врагами. И это значит, что один из нас убьет другого. А я не желала ему смерти.

– Софи, ты чего молчишь?

– Я... у меня нет слов. Ты серьезно сейчас говоришь?

– Конечно.

Я потянулась к нему и крепко обняла.

– Ты чего? – он рассмеялся. – Утешь мое эго, скажи, что не хочешь уходить.

Наверно, это и выглядело так, будто я не хочу уходить. Но на самом деле, я только сейчас поняла, что это наша последняя встреча. Она последняя не потому что я сбегая, а потому что он не переживет этот вечер. Удивительно, как много значил для меня этот человек и как кардинально он изменился в моем представлении за все это время.

– Я люблю тебя, – прошептала я. На глаза навернулись слезы.

– Не говори этого, иначе я передумаю, – он не шутил, его голос был очень печальным.

Наши губы встретились, и языки начали горячий танец. Он повалил меня на кровать и устроился сверху. Я наслаждалась каждым прикосновением и движением, пытаюсь запечатлеть их в памяти.

– Еще, глубже, – кричала я, царапая его спину.

– Так? – спросил он, сделав резкий толчок, заходя во всю длину, от которого я еще сильнее впилась ногтями в его кожу.

– Да, – стонала я, толкаясь бедрами ему навстречу.

Меня одурманил его запах. Он кусал и целовал мое лицо и подбородок, и толкался все сильнее и быстрее. Я уже стонала без остановки. В этот момент, захваченные безумной страстью, мы были одним целым.

Когда нарастающему внутри меня удовольствию уже некуда было деться, что-то внутри взорвалось и разлилось по всему телу. Меня накрыл самый мощный оргазм, который я испытывала.

– Черт, каждый раз, как первый, – произнес он, повалившись на меня всем своим телом.

Этот будет последним.

Глава 11

Я сидела на кровати почти не дыша, так сильно я волновалась. Была уже ночь, на улице было темным темно. Я то и дело подходила к двери и прислушивалась, но в коридоре было тихо. В один момент меня начало клонить ко сну и я уснула. Я видела тревожные сны и просыпалась каждые десять ми-

нут. Когда мне это надоело, я снова начала бродить по комнате, и в один момент щелкнул замок. Мое сердце замерло. Дверь открылась и в комнату проник свет из коридора.

– Здравствуй, Софи, – передо мной стоял Филипп.

Я подбегаю к нему и крепко обнимаю.

– Это правда ты?

Меня окутал знакомый родной запах. Я сразу вспомнила наш дом и родителей. В душе стало так тепло.

– Конечно я. Кто же еще? – он широко улыбнулся.

– Не могу поверить. Столько времени прошло...

– Все хорошо, сестренка. Теперь ты в безопасности, – он отстранился, но только чтобы посмотреть мне в лицо. – Ты готова устроить революцию?

– Фил, это же безумие. Что ты собираешься делать?

Только сейчас я замечаю, что он пришел не один. Сзади него стоит кто-то еще. Когда Фил увидел, на кого я смотрю, он сказал:

– Знакомься, это Макс.

Я продолжаю на него смотреть, не понимая, почему его лицо кажется мне таким знакомым.

– Не переживай, Софи, мы долго к этому готовились. Сначала переоденься, – он протянул мне одежду и ботинки. Они вышли из комнаты, оставив меня одну. Наконец-то мне дали нормальную одежду. Я быстро переделалась и вышла в коридор.

– Возьми это, – он протянул мне пистолет и нож. Заметив

мою неуверенность, брат затолкал меня обратно в комнату. – Софи, послушай. Мы сражаемся за правое дело. Убивая этих подонков мы спасем тысячи невинных жизней. Ты ведь это понимаешь?

Я кивнула.

– Думать будет некогда. Либо ты их убьешь, либо они тебя, – продолжал он.

– Я понимаю.

– Так ты готова к этому?

– Да, – я спрятала нож в ботинке и взяла пистолет в руки.

– Отлично. В данный момент здесь находится восемь человек. Их всех надо убить.

– Так мало?

– Остальные – это в основном прислуги. О них можешь уже не беспокоиться. Нам придется действовать быстро. Если поднимется шум, то все проснутся.

– Не понимаю, Фил. Вы вдвоем собираетесь одолеть восьмерых? И хорошо, если бы это были обычные люди. Но они же не простые солдаты! Как, по твоему, они пришли к власти и держатся там до сих пор, если их можно так просто резать в их же постели?

– Потому что они не ждут этого, Софи. Здание хорошо охраняется, никто не ждет здесь врагов. Да и какой псих сюда сунется?

– Но вы же как-то пробрались...

– Мы здесь свои люди.

Услышав это, я расстроилась что ли. Меня охватило непонятное чувство. И как долго он здесь? Что такого сделал, чтобы стать своим?

– Софи, ты со мной? – он взял руками мое лицо. Янтарные глаза смотрят на меня с глубокой нежностью.

Мне стало стыдно от того, что я в нем сомневаюсь. К концу концов, это же мой брат, я знаю его всю свою жизнь. Он не может сделать что-то плохое.

– До конца.

Мы вышли в коридор. Фил уверенно шел вперед, держа оружие наготове. Вокруг было тихо. Мы спустились вниз на один этаж. Ребята точно знали, куда идти. По пути нам никто не попался. Наверно все спали, ведь была глубокая ночь.

– Впереди двери в их спальни. Большинство из них крепко спит, не без нашей помощи конечно. Мы с Максом разделимся, а ты стой здесь. Будь на чеку, постарайся не шуметь. Но если кого-то увидишь, то застрели его, – шепотом давал мне указания брат. Я кивнула.

Фил пошел в первую дверь, Макс во вторую. Я прошла дальше по коридору и прислонилась спиной к стене. За одной дверью слышались шорохи. Я насторожилась. Стоит ли ждать парней? Нет, за это время можно каким-нибудь образом успеть подать сигнал и поднять тревогу.

Я открываю дверь. В комнате темно, на кровати кто-то спит. Я подхожу и дергаю одеяло, но под ними лишь подушки и какие-то лохмотья. В следующий момент на меня кто-то

набросился сзади. Завязалась борьба. Мужчина был силен, однако я была ловчее. Он выбил из моих рук пистолет, но я достала нож и ударила его несколько раз. Он был надо мной, из-за чего моя одежда и лицо запачкались его кровью. Я откинула тело мужчины в сторону и встала.

– Все нормально? – в комнату вошел Макс и включил свет. Сейчас я ясно видела его лицо и, наконец, узнала. Точно, я видела его в день побега за минуты до того, как меня поймали.

– Да, – я забираю со стола еще один пистолет и выхожу в коридор. В другом конце послышался грохот.

– Вот черт, разбудит же всех.

– Этот не спал, – я иду туда, откуда был шум. Филипп наматывал кусок ткани на рану на руке. На полу лежали двое, все было в крови.

– Ты в порядке?

– Да, нормально.

– Много их еще? – спросила я, проверяя количество патронов в магазине.

– Нет, я не видел еще двоих.

Фил осторожно заглянул в коридор и кивнул нам. Они с Максом шли впереди, заглядывая в каждую дверь и включая свет в комнатах.

– Где же ты, урод?

В одной довольно большой комнате свет не зажигался. Филипп с Максом зашли проверить, я же осталась возле две-

ри, держа оружие наготове.

– Здесь никого...

Один удар и Фил отлетел в сторону. Человек вышел из тени и набросился на моего брата. Макс рванул к ним. Я тоже хотела помочь, но услышала шорохи неподалеку и направилась туда. И тут из-за угла показалась женщина, которая начала стрелять из автомата, причем вообще не целясь. Вот же сумасшедшая. Я забежала за дверь обратно в комнату к ребятам. На мое удивление, они все еще дрались, не сумев вдвоем одолеть одного человека. Я закатила глаза и выглянула из-за двери. Женщина подошел слишком близко. Я выстрелила ей в ноги и она повалилась на пол с громкими криками. Она утихла, когда я засадила в нее еще несколько пуль.

Я заглянула в комнату. Макс лежал скрученный на полу, положение Фила оставляла желать лучшего. Выстрелить я не могла, поэтому схватила нож и набросилась на незнакомца сзади. Он сбросил меня и подобрал с пола нож, который я тут же принялась отбивать из его рук. В этот момент он схватил меня за ногу и повалил на пол. От резкого удара головой я дезориентировалась, очень вовремя заметив что в комнате стало светлее из-за лунного света. Меня начали душить и я ощутила холод лезвия ножа на своем горле. Я увидела его лицо. Он тоже посмотрел на меня и замер. Его глаза расширились от удивления, хватка рук на горле ослабла. В следующее мгновение он повалился прямо на меня. Передо мной стоял Фил, у которого в руках был баллон огнетушителя.

– Ты как? – он подал мне руку и помог подняться.

– Нормально.

– Надо связать его, пока не проснулся, – Макс, хромя, подошел к нам.

– Зачем?

– Софи, представляю тебе: король Артур, – он пнул тело, лежавшее на полу.

– Чего?

Мне было не до шуток. Я сильно выдохлась, а о моральном состоянии и говорить не стоило. Я убила людей и, возможно, среди них был и *он*. Хорошо, что мне завязывали глаза и я видела его. Так было намного проще. Зная, кто он такой, я вряд ли смогла бы это сделать.

– Потом поболтаете, – Макс кинул мне веревку. – Свяжите руки и ноги.

Я наклонилась к телу мужчины и связала его руки за спиной. В этот момент я уловила знакомый аромат. Какого черта?!

Фил завязал ему ноги и перевернул на спину. Я заклеила его рот скотчем, наклонившись ближе, чем требуется, чтобы сделать глубокий вдох. Было очень странно узнавать человека по запаху, но ведь я его узнала. Я не могла ошибаться.

Филипп заметил мое оцепенение.

– Что с тобой?

– Кажется... кажется, я повредила руку.

– Давай посмотрю, – он вывел меня в коридор.

– Так о чем ты говорил? – спрашиваю я брата. В это время Макс оттащил мужчину к батарее, к которой пристегнул его руки.

– Это Артур и он здесь главный. Он нам еще пригодится. Макс повозился со светом и сумел его включить. Мы вернулись в комнату, и я быстренько, чтобы не вызвать подозрения, пробежалась взглядом по лицу нашего пленника.

– Ты уверен, что он главный?

– Почему спрашиваешь?

– Он такой молодой...

– Да. Ему всего двадцать шесть. Власть перешла ему по наследству, – он говорил шутливым тоном, будто рассказывал интереснейшую историю.

Мне было не до веселья. Внутри меня происходил целый переворот.

– Это все?

– Да, – ответил Макс.

– Что дальше?

– Я пошел за Арианой, – он скрылся за дверью.

– Зачем? – обращаюсь я к Филу..

– Нужно передать послание о том, что всех взяли в заложники, чтобы здание не штурмовали.

– А девушка зачем?

– Она сестра Артура. Думаю, это единственный способ заставить его сказать то, что нам нужно.

Макс привел в комнату Ариану. Она была связана, но все

равно сопротивлялась. На меня вновь нахлынуло чувство вины. Я ее совсем не знала, но она не была похожа остальных. Она была добра ко мне. А сейчас ее убьют. Сомнений не было, ее убьют как только она станет ненужной. Но перед этим хорошенько помучают обоих.

Так правильно ли мы поступаем? Возможно, она была здесь единственной невинной душой. А может и нет.

– Фил, я отойду?

Он кивнул.

Я направилась на верхний этаж, чтобы посмотреть, освободили ли девушек, которые жили в соседних комнатах со мной. Все это время мои мысли были заняты лишь одним человеком. Артур. Я наивно полагала, что он находится здесь, как и все, в подчинении, служит им из-за того, что другого выбора не было. Но нет, это ему все служили. Он посылал солдат, приказывал грабить и грабить города, отдавал приказы убивать людей. Это он послал тех головорезов в нашу деревню, по его приказу там убили всех. Это он просил себе шлюх. И это он говорил, что хочет меня отпустить? Он же мог прекратить целую войну!

Я была так зла на него. Сукин сын! Я хотела отомстить? Вот и настал этот момент. Я нашла виновника всех бед и с удовольствием снесу ему голову.

А ведь сегодня я призналась ему в любви. Нет, это был не он. Он либо хороший актер, либо псих. Но зачем ему притворяться? Мне нужно с ним поговорить. Если его еще не

убили.

Две девушки совсем молодые и такие красивые, были очень озадачены, когда увидели меня. Я коротко объяснив ситуацию повела их вниз к одному из выходов, предварительно дав им переодеться. Понятия не имею, что с ними будет. Сейчас мне было не до них.

Когда мы спустились на второй этаж, слышались голоса ребят. Девушки резко остановились.

– Это он? – девушка выглядела не на шутку перепуганной.

– Не волнуйтесь, здесь все свои, – пытаюсь я ее успокоить.

– Ты не понимаешь, – начала вторая, – он же ненормальный! Отпусти нас, пожалуйста. Только не веди к нему!

– Ладно, ладно, – я повела их вниз, не пересекаясь с парнями, и вывела на улицу через запасной выход. Вот дурехи.

Я направилась к брату.

– Ну как?

– Пропустила все веселье. Сдаётся мне, ты нарочно это сделала.

– Ты же знаешь, я не фанат насилия, – честно отвечаю я.

Его взгляд излучал тепло. Я сразу вспомнила отца, который, я уверена, в молодости выглядел точно как Фил. Я уткнулась лицом в его грудь. Он заключил меня в объятия, и, наконец, в душе стало спокойно. Он здесь, живой. Мы нашли друг друга.

– Ты как? – спросил он меня, убирая волосы с моего лица. – Столько всего произошло...

– Нормально, – прервала я его. – Мне нужно тебе кое-что сказать, – даже не знаю, с чего начать. – Родители... родители мертвы. Военные пришли к нам и убили всех, – в горле встал ком, на глаза навернулись слезы. – Я спряталась. Не помогла им, хотя могла спасти...

– Ты не виновата, – шепотом произносит он.

– Я струсилa, даже не попыталась... – говорю я сквозь слезы.

– Послушай меня, – он посмотрел мне в лицо, – ты не могла поступить по другому.

– Ты не думаешь, что это я виновата в их смерти?

– Конечно же нет. Родная, я так счастлив, что ты жива. Перестань себя винить. Это был трудный выбор, но зато правильный.

– Спасибо, Фил, – я вновь обняла его. – Спасибо.

К нам подошел Макс.

– Тебе нужно отдохнуть. Поспи пару часов, – Фил отстранился от меня.

– А вы что будете делать?

– Нужно связаться со своими и забрать оружие со склада.

– Это здесь?

– Да, внизу. Не беспокойся, теперь ты в безопасности.

– Хорошо.

Я чувствовала себя очень уставшей. Мне и вправду нужно отдохнуть.

Я отправилась на поиски свободной кровати без трупа ря-

дом, и услышала какой-то звон. Это Артур безуспешно пытался освободить руки. Я зашла в комнату, которая напоминала место сбора и переговоров. На большом столе посередине была разрисованная карта местности.

На полу лежала Ариана. Ее глаза были приоткрыты, одежда запачкана кровью. Я наклонилась и закрыла ей глаза.

– Покойся с миром.

Я присела напротив Артура. Разглядывая его лицо, полное печали, я изучала каждый сантиметр, будто проверяла, совпадает ли оно с тем, которое я рисовала в своем воображении. Он был красивым, даже лучше, чем я представляла. Особенно его глаза небесно голубого цвета. Я долго смотрела в них, просто утопала. Они с сестрой были так похожи, особенно обворожительными глазами и полными бледно розовыми губами.

После долгого молчания и игры в гляделки, он что-то промычал.

– Есть, что сказать?

Он кивнул.

– Только по делу, – предупреждаю я и резко отдираю скотч.

– У тебя красивые глаза, – произносит он тихо.

Я скрестила руки на груди и уставилась на него непроницаемым взглядом. Давай, давай, заговаривай мне зубы.

– Смотришь на меня так, будто не ты признавалась мне в любви несколько часов назад. Так ты прощалась со мной?

Я кусаю щеки изнутри. Слишком много я себе позволила тогда.

– Все сказал?

Он тихо рассмеялся.

– Так забавно. Ты пытаешься казаться уверенной и невозмутимой. На деле же все твое тело выдает тебя с головой. Думаешь, я не вижу, как ты уязвима сейчас? Брось, Софи, мы, может, и поменялись с тобой местами, но не отрицай, что я и сейчас имею над тобой власть.

Я схватила нож из ботинка и вонзила его в колено Артура. Он простонал и выругался. Я надавила на нож сильнее.

– Роль бесчувственной стервы тебе не к лицу.

– Достаточно, – я беру скотч со стола и вырываю большой кусок.

– Подожди, – он уворачивается от моих рук. – Ты доверилась не тем людям. Думаешь, твой брат не знал, что ты здесь?

Я застыла с куском скотча в руках.

– Откуда ему было знать?

– Я слышал, как Ариана ругалась с Филиппом. Она ходила к Эмилии, чтобы залатать ее раны. На расспросы Ри Эмилия ответила, что Фил сильно избил ее, когда та рассказала о том, как сюда попала. Может, она и не упомянула твое имя, но рассказала о тебе все, что знала.

– И, по-твоему, он должен был догадаться?

– Ваши имена назвали в первый же день.

И зачем он спрашивал тогда мое имя? Хотел завязать раз-

говор?

– Это ничего не значит.

– Ты винила себя, но теперь ты знаешь, что это твой брат довел Эмилию. Она рассказала Ри, что он всегда был очень жесток с ней.

– Не надо мне рассказывать о том, как кто-то кого-то насиловал, – произношу я, выделяя каждое слово.

Артур виновато опускает голову.

– Прости меня, – тихо произносит он после долгого молчания.

– Мне не нужны твои извинения. Зачем ты мне врешь?

– А знаешь, что это Макс поймал тебя в тот день, когда ты пыталась сбежать, и привел обратно?

– Он просто спасал свою задницу.

– И, по-твоему, он не сделает это снова? Если бы Филу было не все равно, он бы вытащил тебя отсюда в первый же день.

– Тогда скажи мне, чего он ждал? – я подалась немного вперед.

– Ты не нужна ему. Или же... он ждал, пока ты станешь полезной.

– Чего?

– Знаешь, сегодня они схватили меня только благодаря тебе. Кто знает, на что еще годится моя любимая шлюшка.

Я отвесила ему сильную пощечину.

– Что, больно когда бьют?

Он опустил голову. Я видела, как играли желваки на его скулах.

– Знаешь, что сказал мне Филипп, когда убил Ри? “Ты не можешь отомстить мне тем же, потому что моя сестра тебе важнее, даже чем мне”.

– Я тебе не верю.

Почему он несет эту чушь? Почему я до сих пор сижу здесь и слушаю его?

– А ведь он прав. Единственное, чего я хочу – чтобы ты поскорее ушла, – он смотрел на меня умоляющим взглядом. – Софи, мне правда жаль, что я причинил тебе столько боли, но я не могу уже ничего исправить. Пожалуйста, беги, прячься, спасайся. Только не оставайся здесь. Ты не нужна ему.

Я склеила его рот уже не в силах выслушивать этот бред.

– У тебя осталось не так много времени. Можешь начать молиться, – я выхожу из комнаты и ищу брата. Какой к черту сон? Надо во всем разобраться.

Фил с Максом таскали какие-то тяжелые коробки.

– Что случилось?

– Не могу уснуть. Может, я помогу?

– Сейчас нам остается только ждать. Пошли со мной, – он оставил вещи и повел меня в какую-то комнату.

– Ты здесь жил?

– Ага.

– Долго?

– Почти пол года.

Мы легли на кровать. Фил укрыл меня одеялом, и я прижалась к нему.

– Когда ты узнал, что я здесь?

– Я пришел к тебе сразу, как только смог. Я, знаю, что они с тобой делали, – он обнял меня крепче. – Мне так жаль. Но ты сможешь сама убить его. Как захочешь.

– Получается, ты знаешь? Знаешь, что меня водили только... к нему? – говорить об этом было крайне некомфортно.

– Да.

– Почему вы не убили его?

– Так много вопросов, – Фил рассмеялся. – Я хочу, чтобы он увидел, как все его люди умирают. Мы убьем его последним. Перед смертью он успеет намучиться.

Откуда в нем столько жестокости? Может, Артур и заслуживал этого, но все же, не стоит переступать черту.

Фил гладил меня по спине, помогая мне скорее заснуть.

Глава 12

Когда я просыпаюсь от резкого грохота, рядом на кровати уже никого нет. Сколько я спала и не приснилось ли мне все это?

После долгих поисков, я нахожу брата на кухне. Он готовил себе завтрак.

– Что это было?

– До людей с окраин дошли радостные вести, и они решили не оставаться в стороне. Кажется, сейчас они взрывают стену.

– И что, они решили напасть? Без оружия, голыми руками?

– Ага, – Фил протянул мне чай.

– Это же безумие!

– Безумие – жить под гнетом тирана, став его рабами. А сейчас они пришли сражаться за свою свободу, – он взял тарелку с едой вышел из кухни. Я направилась за ним.

– А они не придут сюда?

Толпа обезумевших людей здесь ни к чему.

– Солдаты оцепили здание и ждут приказа. Они не пустят сюда никого.

– А приказы им кто отдает?

– Макс сейчас над этим работает.

Как оказалось, мы направлялись к ним. От увиденной сцены мне стало не по себе. Макс избивал Артура с такой силой, будто ждал этого момента всю свою жизнь и спланировал все до мельчайших деталей. Было видно, как он получает удовольствие от процесса. Он остановился, только когда друг его окликнул.

– Как успехи? – спросил его Фил.

– Упертый баран, но мне это только нравится, – он усмехнулся. – Однако долго он не протянет.

Я посмотрела на Артура. По его взгляду я поняла, что он явно был недоволен тем, что видит меня здесь. "И что ты тут до сих пор делаешь?", – спрашивал он меня одним взглядом.

Кажется, остальные заметили наши переглядки.

– София, – то, как произносит мое имя Макс, мне уже не нравится. – Поможешь? – он протягивает мне нож.

Я отрицательно качаю головой и не двигаюсь с места. Он подходит ближе.

– Не хочешь помогать?

– Я похожа на того, кто любит пытаться людей?

– Пожалела своего любовничка? – ухмыляется ублюдок.

– Не смей со мной так разговаривать, – твердо произношу я.

– Тебе еще и мозги трахали?

Я достаю пистолет из-за пояса брюк и с силой врезаю им по лицу Макса. Из его носа пошла кровь, щека немного поцарапалась. Он тут же схватился за свое лицо.

– Сука, – он вытер кровь тыльной стороной ладони. Его взгляд метал молнии.

– Еще одно слово, и я сломаю тебе руку, – говорю я, разозлившись не на шутку.

Макс резко шагнул вперед, но Фил опередил его. Он заклонил меня спиной, выставив руку вперед.

– Эй, остынь.

Артур расхохотался.

– Смешно тебе? Посмотрим, как ты будешь сейчас смеяться, – Макс уже успел переключиться на него.

– Тебя уделала девчонка. Где ты был, когда раздавали яйца? – несмотря на свое положение, Артур выглядел очень довольным.

– Иди погуляй, – Фил вывел меня из комнаты.

Я возвращаюсь на кухню, чтобы нормально позавтракать.

Настроение было паршивое. Жалею ли я Артура? Да. Хочу прибить Макса? Безусловно. Но ничего не могу поделать ни с первым, ни со вторым.

Через пол часа ко мне пришел Филипп.

– Все нормально?

– Ты мне скажи.

Брат непонимающе уставился на меня.

– Ты знал, что когда я пыталась отсюда бежать, Макс поймал меня и привел обратно?

– К чему ты клонишь?

– Так знал или нет? – я встаю в метре перед ним и смотрю ему прямо в глаза, пытаюсь уловить ход его мыслей.

– Конечно, нет.

– И он ни разу об этом не заикнулся?

– Не припомню, – говорит он уже не так уверенно.

– А откуда он знает про меня и Артура?

– Софи, перестань, – он раздраженно выдыхает.

– Отвечай!

– Я не знаю, – он подходит ближе, но я его отталкиваю.

– Что вы собираетесь делать дальше?

Раз мы начали такой разговор, надо узнать как можно больше.

– Через пару часов прилетят вертолеты.

– И?

– Это все, что тебе надо знать.

– Не доверяешь мне, – даже не спрашиваю, а утверждаю я.

Фил немного помолчал.

– Когда они придут сюда, я дам распоряжение своим людям, и они взорвут оставшихся солдат.

– Каким образом?

Уже понимаю, что мне не понравится его ответ.

– Ты знаешь, как устраивают теракты?

– Хочешь сказать, твои люди взорвут себя вместе с остальными?

– На войне не обходятся без жертв, – говорит он будничным тоном. Сдается мне, что этими жертвами он не обойдется.

– Зачем нужны вертолеты?

– Тебе это не понравится.

– Говори, – требую я, хотя не хочу знать.

– Они расстреляют всех с воздуха.

От услышанного я теряю дар речи. Как? Зачем? Это точно мой брат?

– Но там же... там же обычные люди, – произношу я севшим голосом.

– Зажравшиеся уроды – обычные люди?

– Разве нет? А те, кто пришел из-за стены? Это же сотни, а, может, и тысячи гражданских людей.

– Софи, хватит! – произносит он резко. – Достаточно, – он направляется к выходу.

– А что потом?

Он остановился уже в коридоре.

– Что ты будешь делать потом?

– На месте старого короля появится новый, – говорит он, даже не оборачиваясь.

Несколько месяцев я жила лишь одной мыслью. Невозможно описать словами, как я была счастлива, когда Фил нашел меня и пришел за мной. Со мной будто ничего не произошло, вся боль ушла на второй план, ведь он был здесь со мной. Но как оказалось, моего брата больше нет. Я попрощалась с ним холодным осенним утром больше года назад и больше его не увижу. Этот человек был безумцем, жестоким и безжалостным, готовым на все ради власти. Как такое могло произойти? Это война его так изменила? Неужели все потеряно?

Артур был прав, мне стоило бежать. Но я не могу вновь сбежать, чтобы спасти только себя. Нельзя допустить, чтобы все люди здесь погибли. С этим нужно было что-то делать. Может Филиппа еще можно было уговорить. Попытаться стоит.

Я нахожу его в коридоре. Он стоял, наблюдая, как взрываются соседние здания вокруг. Полное безумие.

– Уже прилетели? – тихо спрашиваю я.

– Еще нет, – брат продолжал стоять ко мне спиной.

– Он не стал говорить?

– Нет. Упрямый засранец.

– Вы убили его?

– Он скоро скончается от полученных ран. Жалеешь его? – он повернулся и посмотрел мне в глаза.

– Нет.

– Ты все еще со мной?

Я киваю.

– Отлично. Через час сюда прилетят. Я быстро схожу в душ. Макс отнесет оружие к месту встречи. Поможешь ему?

– Ага, – отвечаю я машинально.

Фил ушел в свою комнату. Я проследила за тем, как ушел Макс и отправилась в комнату вслед за братом, чтобы порыться в его вещах. Нам предстоит серьезный, тяжелый, а, может, и последний разговор. Нужно подготовиться. Поверить не могу, что делаю это.

Внутри меня все еще была маленькая надежда на то, что он поверит мне, образумится, выслушает меня. Нельзя допустить, чтобы на место одного тирана пришел другой. Сейчас я даже не знаю, кто из них хуже.

Артур. Он еще жив? Несмотря на все, я не могу его ненавидеть так, как мне этого хочется. Я поспешила к нему, чтобы увидеть его в последний раз. Какая же я дура. Сама осуждаю брата, но чем я лучше?

Я осторожно открываю дверь и только сейчас замечаю, как дрожат мои руки. Сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Я боюсь того, что могу там увидеть.

Он лежит на полу. Его глаза закрыты, лицо покрыто ис-

паринной, на висках запекаясь кровь, губы разбиты, под левым глазом красуется большая ссадина. Он весь в крови, на нем не было ни одного живого места.

Я подхожу ближе и сажусь на корточки. От волнения я спотыкаюсь о собственные ноги, и вызванный этим шорох не остается незамеченным. Он приоткрыл глаза и уставился на мои ноги. Он, наверно, был в бреду и не совсем понимал, что происходит. Я подхожу еще ближе и сажусь на пол почти вплотную к нему. Меня тут же окутал до боли знакомый запах. *Его запах.* Я закрываю глаза и мысленно отправляюсь в нашу комнату – кусочек пространства, отрезанный от всего остального мира, где я позволяла себе слишком многое. Все это было неправильно, грязно и отвратительно.

“Кого ты обманываешь?”

Вспоминаю, как дрожали его веки под моими пальцами, как его губы растягивались в улыбке, когда я очерчивала их линии.

“Хватит! Ты здесь не за этим”.

Еще несколько минут сижу в раздумьях. Правильно ли я поступаю? Я мучилась в сомнениях. Разве это не то, чего я на самом деле хотела все это время? Все так запуталось. Я уже не знала, чего хочу.

“Нет, ты знаешь”.

А что я *должна* сделать? Это уже другой вопрос. Честь, долг, достоинство – все давно утрачено. Я уже не та беззаботная девочка, которой была несколько месяцев назад. Все

рухнуло, сломалось, разбилось на мелкие кусочки. А надежда, чертова последняя надежда вот-вот погаснет.

Так правильно ли я поступаю? Можно ли оправдывать предательство и даже убийство благими намерениями? Есть ли вообще благие намерения у того, кто на такое способен?

Я достаю складной нож из кармана, но продолжаю смотреть на человека перед собой. Он поднимает взгляд и смотрит на меня. Затем на нож в моих руках, затем снова на меня. Его глаза цвета неба в ясный солнечный день смотрят мне прямо в душу. Он был прав: в какой бы ситуации мы не находились, он всегда будет иметь власть надо мной. Даже сейчас.

Он точно не в бреду. Его взгляд осознанный, глаза полны печали и... сожаления? Он смотрит на меня пару секунд и опускает глаза. Что это: смирение или безразличие? Впрочем, неважно.

Я раскладываю нож и, уставившись на лезвие, в последний раз обдумываю свое решение. Вряд ли я смогу его спасти, но видеть его в таком состоянии выше моих сил.

Я, перерезав веревку, освобождаю его руки и осторожно опускаю его туловище к полу, чтобы он мог лежать. Быстро нахожу нужные вещи и обрабатываю и перевязываю его раны. Одна так сильно кровоточила, что ее пришлось прижечь. Артур лежит тихо, не издавая ни единого звука. Порывшись в аптечке, я нахожу обезболивающее.

– Выпей, – я даю ему две таблетки и воду. Он опустошает

всю бутылку.

Намочив тряпку, я осторожно вытираю его лоб. Не осознавая, что делаю, я провожу рукой по его лицу, обросшему щетиной и запускаю пальцы в светлые волосы.

– Спасибо, – едва различимо шепчет он.

В коридоре послышались шаги. Я резко поднимаюсь и направляюсь к двери.

– Что ты здесь делаешь? Нам надо идти, – Фил стряхнул капельки воды с отросших волос.

– Я никуда не иду. Мы не идем, – уверенно говорю я.

Он нахмурился, закрыл дверь и подошел ко мне.

– Прощу, одумайся, Филипп. Ты собираешься убить своих же людей. Чем ты лучше тех, кто был здесь до тебя?

– Это из-за него, да? – он бросает взгляд на Артура.

– Вовсе нет.

– Ну конечно, – он оперся на стену и скрестил руки на груди. – Знаешь что? Ты ведь просто пропитана его запахом. Я сразу это почувствовал. Так понравилось проводить здесь время, что сделаешь все, чтобы снова лечь под него?

– Думаешь, я добровольно сюда пришла? Думаешь, меня спрашивали, хочу ли я?! – от злости я была готова наброситься на него голыми руками. – Разве так реагирует нормальный человек, чью сестру похитили, чтобы потом насилловать? – На самом деле, я врала. Мне все нравилось, не считая тех двух раз. Но об этом я никогда никому не скажу.

Фил потер переносицу, о чем-то раздумывая. Я выдохнула

и задержала дыхание на пару секунд. Надо успокоиться.

– Пожалуйста, давай просто уедем. Зачем тебе все это надо? – как можно спокойнее произношу я. Он лишь отрицательно качает головой.

– Не думай, что я буду спокойно стоять в стороне.

– Ты не сможешь мне помешать, – говорит он уверенно.

– Я взорву нахрен эти вертолеты. Хватит смертей, – я подхожу к столу и беру рацию, чтобы связаться с Максом.

– Подумай еще раз, Софи, – первый раз голос брата показался мне таким чужим и незнакомым. – Я никому не позволю встать у меня на пути.

– Что ты сделал с Эмилией?

Фил усмехнулся.

– Если бы ты лучше выбирала друзей, ты бы здесь не оказалась.

– Я оказалась бы здесь в любом случае, потому что искала тебя! – мой голос срывается на крик.

– А я не хотел, чтобы ты меня искала. Смотри, куда это тебя привело, – он достает пистолет и направил его на меня. – Мне жаль, Софи. Прости.

Он нажимает на курок и все внутри меня разбивается вдребезги. Почему-то после смерти родителей я наивно полагала, что не смогу испытать большей боли.

Глава 13

В глазах помутнело от слез. Фил смотрит на меня ошарашенным взглядом. Я вынимаю из кармана пули, которые вы-

нула из его пистолета несколькими минутами ранее, и высыпаю их на пол. Он нервно проводит рукой по волосам и начинает хохотать.

– А папа всегда говорил, что хитрее меня. Как я мог это забыть?

Он резко подается вперед. Я достаю свой пистолет и стреляю. Фил падает на пол, хватаясь за кровавую рану на груди. Пистолет выпадает из моей дрожащей руки, и я бегу к брату.

– Тебе... не место... на войне, – он тянется к моей руке и сжимает ее. Слезы с моих глаз падают прямо ему на лицо. Он смотрит на меня и слабо улыбается. Его глаза тоже полны слез.

– Прости меня, – я ложусь на пол и обнимаю его. – Прости.

Через минуту хватка его рук слабеет, он перестает дышать. Я обнимаю его крепче и кричу, кричу так, будто могу вывести так всю свою боль. Не знаю, сколько я так лежу, плача и обнимая своего брата. Пугающую тишину нарушает голос Макса, который доносясь с рации.

– Прием. Фил, вы идете?

Если я не отвечу, он придет сюда, увидит все и убьет меня. Ну а что? Неплохо.

“Перестань себя жалеть, надо что-то делать”.

Я поднимаюсь к столу за рацией.

– Мы уже идем, – отвечаю я мертвым голосом.

Я сползаю обратно вниз и упираюсь головой в колени. Что же с ним делать?

– Он прав, тебе здесь не место.

Я поднимаю голову. Артур смотрел на меня сочувствующим взглядом.

– Хочешь вернуть все назад? Теперь должность снова свободна.

– Лучше убей меня.

Было заметно, как тяжело дается ему каждое слово. Кажется, у него сломаны ребра.

– А чего тогда хочешь? – я подползаю ближе к нему.

– Нормальной жизни, – он опускает глаза, – для тебя.

Я положила руку на ту часть его лица, которая пострадала меньше всего. Он весь горел. Артур вновь посмотрел на меня. Голубые бездонные глаза притягивали мой взгляд словно магнитом. Столько всего я видела в них: сожаление, печаль, нежность, сострадание.

– Можешь идти?

– Не думаю, – шепотом отвечает он.

– Тогда начинай ползти в сторону двери.

Я возвращаюсь к телу брата и обшариваю его карманы в поисках ключей от машины.

– Я люблю тебя, – наклонившись к нему, целую в лоб.

Вытерев слезы с лица, я направляюсь вниз на склад, где хранилось все оружие. Чего тут только не было. Нужно найти что-то мощное. Думаю, ручной гранатомет подойдет в самый раз.

Забираю все, что поместилось в сумку, которую я нашла

там же, я выхожу на улицу, нахожу нужную машину и бросаю туда сумку, оставив себе две бомбы.

Я возвращаюсь в здание, собираю в рюкзак еду и лекарства и иду за Артуром. Его состояние оставляет желать лучшего. Дав ему выпить еще несколько лекарств, я помогаю ему встать. Какой же он тяжелый. Его лицо исказилось болью. Когда мы сделали несколько шагов, я заметила, что он сильно хромает на правую ногу.

– Что с ногой?

– Сломана.

Черт, надо было пригнать машину прямо ко входу.

Когда мы дошли до двери, я остановилась. Артур оперся о дверной косяк.

– Оставь меня, – он тяжело дышал.

– Заткнись.

Какой был смысл во всех тренировках, если я даже не могу вытащить человека из здания? Я набрала в грудь побольше воздуха и, поддерживая Артура, зашагала дальше. Идя по длинному коридору, я два раза останавливалась, чтобы оставить бомбы и запустить таймер. Нельзя допустить, чтобы кто-то нашел оружие, которое здесь хранилось.

Мы с трудом спустились по лестнице и, наконец, вышли на улицу. Я усадила Артура на пассажирское сиденье и закинула назад рюкзак с вещами. Немного отдышавшись, я села за руль и поехала туда, где ждал нас Макс. Через десять минут на горизонте появились вертолеты. Я остановилась и

вытащила оружие из багажника. Прицелившись, я стреляю и попадаю в самое яблочко: первый вертолет тут же взрывается. То же самое я проделываю и с остальными двумя. На небо начинают подниматься клубы черного дыма. А через минуту взорвалось здание, оставшееся позади нас.

Уверена, абсолютно все люди это видели. Революция прошла на славу. Какой безумный день: сегодня разрушилось, взорвалось и сгорело ярким пламенем все, что могло.

Я села в машину.

– А ты девушка – огонь, – Артур повернул голову в мою сторону. Он даже улыбался. Какой дурак. Он вообще понимал, что может сейчас умереть?

– Много людей знают тебя в лицо?

– Они мертвы.

– Прекрасно. В какой стороне город?

Он показал направо, куда я и поехала. Главное выехать отсюда незамеченными. За пределами поселения военных не так много. Хотя и здесь их практически не осталось.

Артур почти сразу заснул. Его состояние меня сильно беспокоило. Пока я ехала, я тихо молилась, чтобы мы смогли выбраться отсюда живыми.

Целый день я была за рулем и останавливалась лишь один раз, чтобы перекусить. Из-за того, что две ночи до этого я толком не спала, я сильно устала. А том, что произошло за эти два дня, и говорить не стоило. Поэтому когда солнце опустилось за горизонт, я, свернув с пути, заехала в лесную ча-

цу, заблокировала двери и вырубилась на ближайшие пару часов.

Я просыпаюсь из-за сильного кашля Артура. Кажется, он сам только что проснулся.

– Потерпи немного, – я дала ему попить.

– Ты простишь меня за то, что я сделал? – тихо спрашивает он.

– Это так важно для тебя?

– Я умираю, а ты просила помолиться перед смертью.

– Не мне надо молиться.

– Но только это имеет смысл, – его глаза изучают мое лицо. Он пытается прочесть мои мысли? Но я и сама не знаю ответа.

Я завожу машину и еду дальше. К рассвету мы добираемся до пункта назначения. Отыскав нужный дом, я постучалась в дверь, которая тут же открывается.

– София?

– Здравствуйте, Анна.

Она с удивлением смотрит на меня пару секунд, затем подходит ближе и обнимает. Какая чудесная женщина. В ее объятиях я чувствовала себя защищенной особенным теплом.

– Я так рада, что ты жива, – она посмотрела мне в лицо.

– Я тоже рада вас видеть. Мне нужна ваша помощь.

– Конечно. Что случилось?

Я повела ее к машине. Мы вместе подняли Артура, кото-

рый был в отключке, и отвели в дом.

– Я осмотрю его, а ты сходи в душ. Выглядишь не очень хорошо. У меня есть одежда для тебя, – голос ее был нежным и успокаивающим. Никакой фальши.

– Хорошо. Спасибо.

Стоять под горячей водой так было приятно. Это уже не комната заключения. Ее уже не было. Ничего уже не было, все уничтожено. Я не имела ни малейшего понятия о том, что мне делать дальше. Впервые в жизни у меня нет никакой цели. Мне некуда идти, меня никто не ждет. Я никому не нужна. А что с Артуром? Мы перестали играть свои роли, я больше не его пленница. Я ему не нужна. Будет разумно оставить его здесь, Анна точно позаботится о нем. Я не знаю, было ли правильно спасти его. Хотя вряд ли он захочет вернуться к старому, он же сам это сказал. Да и возвращаться было не к чему. Надеюсь, он выберет правильный путь. Его спасение стало моим искуплением. Хоть для кого-то я не принесла смерть.

А что с Филом? Прощу ли я когда-нибудь себя за то, что сделала? Утешала лишь мысль о том, что теперь он был с родителями в лучшем месте. Но научусь ли я жить с руками по локоть в крови?

“А куда ты денешься?”

После всего, что произошло, нельзя отказывать себе в чем-то. Нужно отправиться в путь и искать свое место. Ни в коем случае не думать о смерти. Нужно жить дальше. Ради

родителей, ради брата, ради Эми.

Я выхожу из душа и направляюсь к Анне. Она возилась с Артуром, протирая влажным полотенцем его тело, меняя повязки на ранах и втыкая какие-то иглы.

– Что с ним?

– Нога сломана и несколько ребер тоже. Раны чистые, заживут быстро. Возможно повреждение некоторых внутренних органов. А вообще, состояние не смертельное. Не быстро, но он поправится.

– Хорошо, – услышав ее, я немного успокаиваюсь. – Хорошо. Ты ведь позаботишься о нем?

– А ты куда-то собралась?

– Я ухожу.

– Категорическое нет. Я запрещаю тебе как врач. Ты выглядишь нездоровой.

– Я в порядке.

– София, останься хотя бы на день. Отдохни. Позволь мне позаботиться о тебе, – она просит так, что я не могу больше сопротивляться.

– Ладно, но только до вечера.

– Идем, я накормлю тебя. Потом поспишь.

Мы направились на кухню. Анна накрыла для меня большой стол. Я принялась за еду с большим аппетитом. Она все это время сидела рядом со мной.

– Могу я спросить, что с тобой случилось? Ты нашла брата?

Я качаю головой, не поднимая глаза.

– Мне так жаль, – она накрыла своей ладонью мою.

– Все изменилось. Уже не будет так, как раньше, потому что никого не осталось.

– Раз так, значит все будет хорошо? Все наладится?

– Не знаю, – честно отвечаю я.

После завтрака Анна проводила меня в спальню. Она уже собиралась уходить, но я останавливаю ее, удерживая за руку.

– Анна, как вы думаете, я хороший человек?

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что я убеждена в обратном.

Она села ко мне.

– Ты спасла мне жизнь. И того человека, кем бы он не был, тоже спасла. Плохие люди так не делают.

– Но какой ценой? – к глазам подступили слезы. В который раз уже я плакала за последние дни?

– У всего есть своя цена, уж в такие времена мы живем. Смирись с этим, София. Я считаю тебя хорошим человеком. Благодаря тебе я все еще жива и помогаю людям. Скажи, ведь оно того стоило?

– Наверно, ты права.

– Отдыхай, – она похлопала меня по плечу и ушла.

Я проснулась только вечером. После ужина я отнесла в машину еду и одежду, которые мне так любезно предложила Анна.

– Тебе лучше поменять машину, – говорит она, когда мы уже прощались.

– Да, знаю.

– Не скажешь, куда направляешься?

– Я еще не решила.

– А что сказать ему?

– Ничего. Сомневаюсь, что он будет искать меня. Здесь наши пути расходятся. Позаботься о нем.

– Обязательно. Удачи тебе. Береги себя.

– И вы тоже. Спасибо за все, – я обнимаю ее в последний раз.

Прежде чем уйти, я захожу к Артуру. Вдоволь насмотревшись на него, я наклоняюсь и целую его в щеку.

– Прощай.

Помахав Анне напоследок, я сажусь в машину и уезжаю в сторону заката, оставляя позади свое прошлое. Теперь у меня новый путь.

Эпилог

Полгода спустя

Артур

Я решаю пройтись пешком, поэтому оставляю машину на окраине леса. В конце концов, нога уже восстановилась.

Когда я слышу пение птиц и шуршание листвы, в памяти начинают всплывать воспоминания из детства. Когда-то мы жили на лесной опушке, и отец часто брал меня с собой на охоту. Это было так давно, будто в другой жизни. Мы были

обычной семьей с обычными житейскими делами. Пока не началась война и не убили маму.

Мне было четырнадцать, Ариане одиннадцать. Мы не были готовы к такому. Наша жизнь стремительно и бесповоротно изменилась за год. Один год – именно столько времени понадобилось отцу, чтобы прийти к власти. Он изменился: стал грубым, жестким, безжалостным и вечно хмурым. Безумцы быстро разглядели в нем лидера.

Как выяснилось, маму убили обычные горожане, которые бастовали из-за того, что их подчинили себе люди нового порядка. Отец обезумел: он приказал вырезать солдатам весь город. Его уже ничего не интересовало кроме мести, даже его дети. Мы с Арианой держались друг за друга. Она стала единственной, что еще имело смысл в моей жизни.

Мы выросли, наблюдая за тем, как отец отбирает у невинных людей все, что у них есть, а затем убивает их. Конечно, это оставило на мне определенный отпечаток. Я боялся стать таким же, как он. А он все говорил, что придет время, когда я займу его место.

Это случилось три года назад. Я не был к этому готов. Но куда деваться? Сбежать мы не могли, рано или поздно нас все равно нашли бы. Единственный выход, который я видел, – это остаться и продолжать сеять страх, ведь только так я мог обеспечить неприкосновенность себе, а, главное, своей сестре. Ариана меня всячески уговаривала и была крайне недовольна тем, что я делал. Но предложить альтернативу

она не могла. Так мы и жили: я посылал своих солдат грабить и убивать, Ариана старалась помогать всем, кому могла. Такой вот контраст. Но я делал все ради нее, хотя она и отказывалась в это верить.

Так было, пока я не познакомился с *ней*. С безумно красивой девушкой с длинными каштановыми волосами, нежной бархатной кожей, сладкими губами и глазами цвета меда. Не знаю чем, но она зацепила меня с первой же минуты.

После того, как одна девушка выбралась из поселения и рассказала людям, с кем она трахалась, этого человека нашли и буквально растерзали голыми руками. После этого случая я решил, что не стоит ходить у всех на виду так же, как мой отец. Миллионы людей желали нам смерти, не стоило их искушать.

Проблему решили довольно необычным способом, но все девушки, которых к нам привозили, не сопротивлялись при задержании. По крайней мере, нам так говорили. Знал ли я о том, что некоторых из них похищают? Нет, да и не интересовался. Никто не жаловался, не кричал, не ругался. Никто, кроме нее.

София была очень сексуальной. Ее стройное тело притягивало к себе взгляд, словно магнит, а ее грубость заводила еще больше. Пока не перешла черту. Не помню, когда мне отказывали. Конечно, это задело меня. Я был так зол, что сам переступил черту. Лишь когда я увидел кровь, я осознал, что натворил. Я никогда не бил девушек и уж точно не на-

силовал. Зачем вообще нам привезли целку? Старой стерве Марии давно надо было вправить мозги.

Я отправил к Софии Ариану. Та сначала накинулась на меня с кулаками, затем начала читать лекции про мораль и честь. А потом не разговаривала со мной несколько дней. Как-будто я сам не понимал, как низко опустился. В каком-то смысле я смог переплюнуть отца.

Мне было стыдно, меня мучила совесть, но отпустить я ее не мог. Я просил водить ее только ко мне.

Софи быстро уgomонилась и вошла во вкус, а я надеялся, что дело не только в страхе. Она завлекала меня своей энергией, я весь день думал только о ней. Как же мне было приятно слышать, что моя маленькая девочка ждала только меня.

Через несколько дней Макс сказал мне, что поймал девушку, которая пыталась бежать. Когда я узнал, что это была Софи, я вновь озверел. Не понимаю, что на меня находит. Она пробуждала во мне все чувства, в том числе и плохие. Обычно за такое убивали, но как я мог ее убить? Наказав ее сполна, я приказал запереть ее, чтобы она хорошенько подумала о своем поведении. Лишь на третий день я узнал (проколы со своей стороны подчиненные пытались скрывать), что подруга Софии покончила собой. О том, что они были подругами, я узнал от Ри. О том, почему Эмилия покончила собой, я тоже узнал от Ри. Когда я узнал, что это Софи нашла труп подруги, я понял, что снова облажался.

София была разбита вдребезги. Она столько натерпе-

лась от жизни. Я хотел защитить ее, оградить от всего мира. Но как я мог это сделать, если защищать ее надо было от меня? Наверно моя девочка была сумасшедшей, потому что вновь доверилась мне и в этот раз уже отдалась полностью.

Со временем я понял, что испытываю к Софи не только сексуальное влечение. Я целыми днями думал только о ней и с нетерпением ждал нашей встречи. А когда мы были вместе, был на седьмом небе от счастья. Я понимал, что будет лучше, если я отпущу ее. Но нужно было все продумать, сделать так, чтобы она была в полной безопасности. Признаться, я всеми силами оттягивал этот момент. Но когда она призналась мне в любви, я понял, что ее освобождение – это единственное правильное решение.

Все мои мысли были заняты ею, поэтому неудивительно, что я не заметил, как вокруг меня устроили заговор. Я совсем потерял голову. Затем потерял самое дорогое – свою сестру. Ее смерть была на моей совести, хоть она и приняла ее с улыбкой, сказав мне на прощание “люблю тебя”.

Оказалось, у сумасшедшего Фила тоже была сестра. Как человек он мне не нравился, но он был хорошим солдатом. Он был головорезом, метившим на мое место, и я понимал, что со временем его придется убрать. Однако я упустил этот момент.

После того, как он убил Ариану, я был готов принять свою смерть, но кое-что все же не давало мне покоя. Для Софи происходящее не могло закончиться чем-то хорошим. Я пы-

тался донести это до нее. Ее ненависть, презрение и недоверие были вполне ожидаемы и оправданы, но в глубине души все равно было больно. Я был уверен, что она убьет меня. Но нет, Софи меня спасла. Поступки лишь подтверждали ее слова: она и впрямь меня полюбила. Поэтому я искал ее.

Я не удивился, когда Анна сказала, что Софи ушла. Возможно, она запуталась в себе и в своих чувствах. Или, может, просто пытается забыть прошлое и начать все заново. В таком случае, мне не следовало бы появляться у нее на глазах. Но я же конченный эгоист, я хочу ее найти. Я не думаю, что она ждет меня и бросится ко мне в объятия при встрече, но до последнего на это надеюсь. В любом случае, мне хотелось просто увидеть ее и убедиться, что с ней все хорошо. Моя девочка многого натерпелась и заслуживает лучшего.

Я выхожу из леса на открытую поляну, где стоял бревенчатый домик. Один мужчина из деревни рассказал, что несколько месяцев назад сюда приехала молодая девушка, по описанию очень похожая на Софию, поселилась здесь, чуть дальше от деревни в опустевшем доме, и помогала детишкам в местной школе.

– Мальчики, ко мне.

Это точно был ее голос. Сердце заколотилось сильнее, во рту пересохло. Не помню, чтобы когда-нибудь так волновался.

Дом стоял на берегу большого озера, рядом с которым бежали два больших черных пса. Один из них вошел в воду и

поплыл к Софии. Второй же заскулил на берегу.

– Эй трусишка, иди сюда, – позвала она его к себе. Песель неуверенно зашагал к ней.

Я направляюсь к воде по помосту. Софи замечает меня, лишь когда начинают лаять ее псы.

Кажется, она смотрит на меня целую вечность. Точно не верит своим глазам.

– Долго же тебя не было, – наконец произносит она. От ее мягкого голоса внутри все тает. Ее губы расплываются в улыбке, а взгляд не скрывает радости.

– А ты ждала меня? – я сажусь на корточки. София приплыла к краю помоста.

– Возможно, – она хитро улыбнулась.

Я помог ей выбраться. Мокрый топ обтягивал аппетитную грудь, соски просвечивались через тонкую белую ткань. Черт. В штанах становилось тесно.

– Так зачем ты пришел? – она смотрит мне прямо в глаза. Эти чудесные глаза... Как я мог скрывать их за повязкой?

– Я не успел сказать тебе кое-что очень важное. Я люблю тебя.

Софи чуть краснеет, ее глаза светятся. Она так прекрасна сейчас.

– Поцелуй меня, чтобы избежать неловкого молчания, – она встает на носочки и тянется ко мне. Я хватаю ее за талию и прижимаю к себе. Ее губы встречаются с моими. Сколько тепла и нежности в ее поцелуе. Я забываю обо всем на свете

и растворяюсь в этом мгновении. Ничего сейчас не имеет смысла кроме нее.

– Ты такая красивая, – говорю я, когда Софи отстраняется. Она смущенно улыбается и молчит, пристально изучая мое лицо.

– Пару недель назад я слышала, что меня кто-то разыскивает, – удивляет она меня неожиданным заявлением.

– И ничего не сделала?

– Мне было интересно, как сильно ты хочешь меня найти.

– Ах вот как. Сейчас я покажу тебе, как сильно я этого хотел, – я поднимаю ее за талию и взваливаю на плечо. От неожиданности она взвизгивает. Я иду в дом и ищу кровать. София весело хохочет.

Я бросаю ее на кровать и стягиваю с нее топ, и она остается в одних трусах. Она уже перестала смеяться, ее зрачки расширились, в глазах вспыхнуло желание. Черт, какая же она сейчас горячая.

Когда раздеваюсь, я краем глаза замечаю, как Софи с нескрываемым интересом изучает мое тело. Я наклоняюсь к ней и начинаю целовать везде, наслаждаясь тем, как чутко она реагирует на мои прикосновения. Знакомый аромат ее кожи дурманит мне голову. Кажется, я кончу прямо сейчас.

Я стаскиваю с нее трусы и провожу пальцами по влажным складочкам. Влажным не от воды. Она уже полностью готова для меня. Софи кусает губы, хватаясь руками за простыни. Я вхожу в нее и мне тут же сносит крышу. Она закрывает глаза

и громко стонет. Я хватаю ее лицо одной рукой и большим пальцем провожу по губам.

– Смотри на меня.